

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

ЛЕТНИЙ ДЕТЕКТИВ

Ласковое солнце,
нежный бриз

Анна и Сергей Литвиновы

**Ласковое солнце,
нежный бриз (сборник)**

«ЭКСМО»

Литвиновы А.

Ласковое солнце, нежный бриз (сборник) / А. Литвиновы —
«Эксмо»,

Солнце и ветер, шторм и штиль... Если вам хочется разнообразить свой отпуск и испытать яркие впечатления, когда вы лежите на пляже или отдыхаете на даче, возьмите с собой сборник летних остросюжетных рассказов Анны и Сергея Литвиновых! Популярные курорты и далекие экзотические страны – где только не случаются загадочные происшествия, которые так интересно расследовать вместе с любимыми писателями!

© Литвиновы А.

© Эксмо

Содержание

Ласковое солнце, нежный бриз	5
Страна вечного лета	17
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна и Сергей Литвиновы

Ласковое солнце, нежный бриз (сборник)

Ласковое солнце, нежный бриз

- Вопрос на засыпку: кто никогда тебя не предаст?
- Человек верный и преданный.
- Ответ неправильный.
- Тот, кто хорошо мотивирован.
- И снова в молоко.
- Тот, кому в случае предательства есть что терять.
- Разумно, но опять мимо цели.
- Так кто же?
- Тот, господа, кто *сам ничего не знает*.

* * *

Как же они все меня честили, включая Антона! Любимый сын обозвал «эскаписткой» и «дауншифтершей». Вот вырастила умника на свою голову! Я не поленилась, залезла в Интернет. И поняла: мой высокоумный сынок, как всегда, бросается словами, не совсем понимая их смысл.

Потому что «эскапизм» происходит от английского *escape* – «бежать, спастись» и означает уход от действительности в *вымышленный* мир. Но я ни в какой *вымышленный* не собиралась. Я намыливалась в очень даже земной мир! На мой взгляд, гораздо более настоящий, чем прокопченная, надрывная Москва.

Мир, где ярко светит солнце, небо лазурно, плещутся волны. И ветер наполняет паруса, и поют снасти... Зато с «дауншифтершей» Антон почти угадал.

Слово «дауншифтинг», втираемая сетевая энциклопедия, происходит от английского *down shifting* – дословно-коряво значит «спускаться вниз». Дауншифтерами называют людей, которые сознательно отказываются от солидной должности и высокой зарплаты в пользу семейных посиделок, новой работы, больше похожей на хобби, или эмиграции в Гоа.

Правда, ко мне слово *down* – «снижение» – не очень-то подходило. Ни от какой слишком уж солидной должности я не отказывалась. Да и свою нынешнюю зарплату не назвала бы огромной.

А вот глагол *shift* – «изменение» – оказался в самую точку. Впервые за последние четыре года, прошедших после смерти Вадика, мне захотелось хоть каких-то перемен. Точнее – захотелось хотя бы чего-то, выходящего за рамки самых примитивных потребностей: спать-есть-пить-помогать-заботиться (об Антоше)... Я вдруг поняла: если я не трансформирую свою жизнь сама, она уже никогда не поменяется.

Я сейчас в том возрасте, в каком был Вадик, когда женился на мне. Боже, каким же он мне тогда казался взрослым! И даже порою – старым. Особенно если я рассматривала его тайком – например ночью, когда он спал или когда самозабвенно, не замечая ничего вокруг, работал.

В ту пору мне было девятнадцать, и я думала, что за пределами сорока – жизни нет. Да что там сорока! Я полагала, что уже после тридцати пяти начинается дряхление, увядание, смерть всех желаний... А Вадик смеялся: «Да после сорока жизнь только начинается! Самый смак!»

– Что там хорошего, в старости?! – искренне ужасалась я.

А мой будущий муж хохотал:

– Чудачка! После сорока ты, наконец, понимаешь: зачем ты в этот мир призван. Понимаешь свое тело: чего оно хочет. И свою душу: что ей надобно давать и что она может тебе отдать...

Вадик тогда казался мне таким умным. Да я всегда считала его мудрецом. И сейчас мне ужасно не хватает его умения растолковывать разные непонятности – точно, метко, образно... Как недостает Вадика для тысячи других вещей: пить чай, ходить в кино, валяться на пляже, сидеть в кафе, гулять по лесу... Обои клеить, ужинать вместе с ним и Антошкой, а по воскресеньям – завтракать втроем...

Вот, не могу. Опять разговор сам собой сбивается на Вадика, и глаза на мокром месте.

Конечно, когда я выходила замуж за человека старше себя на двадцать три года, я знавала: скорее всего, наступит день, когда я останусь одна. Но я не думала, что он придет так скоро. И не дряхление или болезнь будет тому причиной, а трагический случай. И главное, что ушедшего мне будет настолько не хватать...

Ну вот, разнюнилась. Все, все. Хватит рыданий... Рассказ мой не о Вадике, а совсем о другом.

О том, как женщина сорока двух лет (перед вами я не буду кокетничать, скрывая свой возраст) начинает новую жизнь. Совершенно новую. Практически с нуля.

* * *

К яхтам (как и ко многому другому) меня приучил Вадик. (А разве могло быть по-другому с девятнадцатилетней девчонкой, которая решила связать свою судьбу с мужчиной за сорок!) Когда он впервые вышел на кафедру в качестве приглашенного лектора и начал говорить, моя душа замерла от восторга, и совсем не потому, что я в него влюбилась – любовь пришла позже. Просто он сразу поражал и как мужчина, и как ученый: умный, яркий, красивый, стильный, независимый, уверенный в себе... При сем он всегда, когда мы уже были вместе, говорил – безо всякой рисовки, – что неправильно выбрал профессию: всегда хотел стать моряком. И когда у нас появилась возможность, мы все свои отпуска стали проводить (порой дважды в год) под парусом. А в выходные тренировались на собственной яхточке-посудинке на Пироговке.

Только не подумайте, что наша жизнь с Вадиком была облита сахарной глазурью, взбитыми сливками и шоколадом. Почему-то у многих при словах «собственная яхта» возникает образ олигарха верхом на многопалубном белом пароходе. Однако за рубежами нашей Родины яхтинг сейчас – такое же хобби, как, скажем, горные лыжи, дайвинг или теннис. Не слишком дешевое, но если ты работаешь – особенно адски, как Вадик, – запросто можешь себе позволить. Вот и мы начали себе позволять – и первые года три считали свои поездки неслыханной роскошью, подарком судьбы. А потом привыкли. Сволочь человек, ко всему привыкает, и к счастью своему тоже. Даже не замечает его.

А ведь в какой-то момент грандиозной перестройки и последующего большого хапка, в начале девяностых, у нашей семейки (Вадик, маленький Антошка и я) не то что яхты – порой даже хлеба не было. Вадик тогда рыскал по столице как угорелый в поисках пропитания. Он считал себя обязанным. Он мужчина, он старший, ему и кормить семью, полагал мой муж, и в пору, когда его знания и опыт ничего не стоили, никаким трудом не гнушался. А потом его упорство и труд (как у лягушки, которая сбила молоко в масло) дали свои плоды. Его профессиональные знания, умения и опыт оказались востребованы и с каждым годом стали давать все больший доход. Правда, мне, конечно, было нелегко, потому что пришлось его отпускать. Сначала – на три года в Африку. Потом дважды, с перерывом на год, – на Ближний Восток. Затем во Францию... Трудно мне было без него. Зато мы с Антоном ни в чем не знали себе отказа. Мы, все трое, не то что как сыр в масле стали кататься, но нужду пережили и даже кое-

что начали себе позволять. Я благие перемены в нашей жизни расшифровывала для себя так: благодаря тому что мы оставались вместе в невзгодах, Бог дал нам понежиться в радости. Какой был праздник, когда Вадик возвращался из своих командировок и надолго оставался с нами!

Я опять сбилась на Вадима, простите меня, а ведь начинала и хотела – о яхтах.

В мореплаваниях с супругом я многому научилась. Всему, что он умел сам. И теперь готова была применить свои знания на практике.

* * *

Boat Marina VII
Crew-list

Mr. Dominin Ivan, captain

Mrs. Ivanova Inna, co-captain

Mr. Voskoboynikov Petr sailor

Mr. Voskoboynikov Artem sailor¹

* * *

*Бортовой журнал. День первый. ***июля 2*** года. 07.21 CET.*

Вышли из порта К. (Испания, Каталония).

Ясно. Волнение 2–3 балла. Курс – 105.

* * *

Я всегда была мальчишницей. Мне лучше удавалось лазить по заборам, чем баюкать кукол. Я на равных с пацанами носилась в казаки-разбойники. В четырнадцать пошла не на курсы кройки и шитья, а в автошколу. И доездила до кандидата в мастера спорта! Всерьез занималась карате...

Потом врачи объясняли мои пристрастия избытком мужского гормона тестостерона, из-за чего мне и пришлось помучиться, прежде чем я родила Антона. Как бы то ни было, в мужской компании я всегда чувствовала себя комфортней, чем в дамской: роль «своего парня» мне отлично удавалась. Джинсы или, на худой конец, шорты я ношу с гораздо большим кайфом, чем юбки. Лишь Вадик своими трогательными ухаживаниями, трепетным отношением и безграничной любовью сумел разбудить во мне женщину. Ах, Вадик, Вадик... Сколько еще я буду вспоминать тебя каждую минуту?

Казалось бы, я сделала то, что хотела: вырвалась из привычной обстановки. Вокруг нас, четверых, – ярчайшее средиземноморское солнце, бирюзовое небо, лазурное море. Мы благополучно вышли в нейтральные воды. Яхта идет на автопилоте. Вокруг меня трое сильных мужчин, трое друзей.

Я в купальнике на палубе белоснежной яхты. Я хороша собой, худа и подтянута. А все равно – точит червячок неудовлетворенности, сожаления по прошлому и опаски перед будущим. Воистину – человек никогда не бывает полностью, на все сто процентов счастлив. И даже когда ему кажется: в тот миг, в прошлом, я черпал бескрайнюю радость полной ложкой, все равно на самом деле что-то в ту секунду отравляло его счастье (а потом благополучно забы-

¹ Корабль Марина VII. Судовая роль: г-н Домнин Иван, капитан; г-жа Иванова Инна, помощник капитана; г-н Воскобойников Петр, матрос; г-н Воскобойников Артем, матрос.

лось). Например, даже когда Вадик впервые объяснялся мне в любви, я, помимо безграничного упоения, испытывала беспокойство по поводу своего не идеального маникюра...

Вот и сейчас, раскинувшись на прогретой солнцем палубе и временами лениво обзревая горизонт – нет ли судна на встречных курсах, – я все-таки напрягалась по поводу нашего вчерашнего спора с капитаном и командой.

...Всех троих мужиков в путешествие пригласила я. Они согласились с восторгом. Еще бы! Пройти от берегов Испании через все Средиземноморье, а потом по Черному морю до Сочи и при этом ни за что не платить – ни за аренду яхты, ни за воду с электричеством, ни за продукты! Да еще и получить изрядную сумму в европейских дензнаках за перегон борта! Да какого борта! Настоящая пацанская миллионнодолларовая посудина. Скромное обаяние буржуазии. Такие нам даже в прокате не доступны, о покупке – и мечтать нечего. Можно сказать, я завербовала парней на настоящую синекуру².

Со всеми троими я познакомилась настолько давно, что можно говорить о съеденном совместно пуде соли, если считать не только обычную пищевую, но и ту, что оставалась на наших губах и щеках во время штормов в морях Черном, Балтийском, Эгейском, Северном, Карибском... Проще говоря, всех троих я знаю тысячи лет. Однако это не мешает нам спорить, ссориться и даже ругаться. Вот и вчера, когда мы взошли на борт, загрузили припасы, забили холодильники льдом, баки – солярой, а танки – пресной водой; когда я покормила мальчиков праздничным ужином – пастой болоньезе, или, попросту говоря, макаронами по-флотски, и мы выпили по глотку виски – тут спор и разгорелся. И, как это часто бывает в любой семье (и экипаже), сыр-бор начался из-за денег. Запевалой выступила я: в конце концов, именно я договаривалась с владельцем яхты об условиях, и мне они показались приемлемыми.

– Базовая ставка, как я уже говорила, десять тысяч на всех. Но это – если мы ошвартуемся в Сочи не позже вечера *** июля. За перевыполнение плана предусмотрены бонусы. За просрочку – соответственно, малусы. И изрядные. Сутки просрочки – долой тысячу. На каждые сутки опережения – плюс тысяча.

– Да хозяин – просто Филеас Фогг³ какой-то, – пробурчал Артем, младший и самый покладистый из братьев Воскобойниковых. А я стала развивать свою мысль, хотя и так все было понятно:

– Стало быть, чем скорей мы придем, тем больше получим. Значит, идти надо всегда, в идеале – без захода в промежуточные порты.

– Горючка. Вода. Лед для холодильников, – напомнил Иван – немногословный, как и положено капитану.

– Режим жесткой экономии, – возразила я столь же лапидарно.

– Все равно не получится! – закричал Петр, старший и чрезмерно эмоциональный брат Воскобойников. – Два, а то и три раза придется зайти!

– Меньше будешь мыться, есть и гадить, – хладнокровно заметил Артем.

Петя тут же взбесился, как будто им обоим не под восемьдесят (на двоих) было, а по десять на брата:

– Ты сам! По пять раз в день подмываешься, как шлюха портовая! Прости, Инка, за непарламентские выражения, но эта крыса сухопутная кого хошь доведет!

– Ну-ка, ша! – ни на децибел не повышая голос, непререкаемо пресек братскую свару капитан Иван, и Артем с Петькой послушно заткнулись. Авторитет шестидесятилетнего Ивана был высочайшим, недаром именно о нем я в первую очередь подумала как о первом кандидате

² Синекура – здесь: хорошо оплачиваемая работа, не требующая особых усилий.

³ Герой романа Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». Совершает кругосветное путешествие, цель которого – обогнуть земной шар за указанное время и тем самым выиграть пари.

на роль мастера, когда мне подфартило с халтуркой. – Но один-то раз точно придется зайти – иначе горючки не хватит. А может, даже дважды.

– Будем вызывать прямо к нашему подходу заправщика, – стала развивать мысль капитана я. – Попутно заливать воду, а кто-то в лавку за провизией успеет смотаться. Эдак мы всего часа полтора на остановку потеряем.

– Значит, у нас будет гонка, – съязвил горячий Воскобойников-старший. – Настоящая регата. Ты нам, Инна, между прочим, ни о чем подобном не говорила. А мы в отпуске.

– Знаешь, что, Петя, – заметила я ледяным тоном, – за неторопливый отпуск денег никто никому не платит. Ясно тебе?

Петька ничего мне не ответил – только надулся, и даже Артем с капитаном Иваном бросили на меня укоризненные взгляды: мол, зря я так круто беру, да еще с самого первого дня, когда мы даже в море не вышли.

...Вот и сейчас: помнили они, мужики, о нашем вчерашнем разговоре? Наверняка, насколько я знала сильный пол, уже забыли. А я, несмотря на ласковое солнце и нежный бриз, все лежала и занималась самообразованием: напрасно, ох, напрасно я так обидела Петра – тем более что из всех троих он мне, говоря по совести, нравился больше всех – как товарищ, разумеется, только как товарищ...

* * *

Бортовой журнал. День ***. ***. июля 2*** года. 20.2 °СЕТ.

Вышли из порта С.*** (остров С.***, Греция). Ясно. Волнение 1–2 балла. Курс – 90.

Сегодня под вечер в греческом порту С.*** произошло крайне неприятное событие.

То была первая швартовка за все время нашего путешествия. Земля, земля! Я чувствовала себя как Колумбов матрос. Твердый асфальт качался под моими ногами. Столько времени непрерывно в плавании я еще ни разу не проводила. Погода нам благоприятствовала: почти все время легкий бриз и ни единой тучки. Но все равно ступать по надежной земле было необыкновенно приятно. Я так и видела себя со стороны: походка произвольно стала разлапистой, словно у бывалого морского волка. Не хватало только трубки, татуировки и попугая на плече.

Я отправилась пополнить запасы провианта и льда. Капитан Иван остался на яхте: встречать заправщика, торговаться с ним и расплачиваться. Братья Воскобойниковы принялись драить палубу, уже изрядно просолившуюся за время нашей экспедиции, и заполнять танки пресной водой.

Потом они рассказали мне, как приключилось, что лодка осталась без присмотра. Тщательно и споро вымыв бот, Артем с Петром отпросились у кэпа в таверну. Мастер проверил качество их работы (дружба дружбой, а дисциплина в любом экипаже превыше всего), удовлетворился настоящим морским порядком и отпустил матросов. Братьев можно было понять: ребята хотели – раз нет времени танцевать сиртаки с прекрасными гречанками – хотя бы хлебнуть свежего разливного и отведать только что выловленной барабульки (я ведь и правда не баловала своих мужичков разносолами). И тут к оставшемуся на яхте в одиночестве Ивану подошел греческий мужик, похожий на бомжа (подобные типы ошиваются во всех гаванях мира, оказывая экипажам за небольшую плату множество мелких услуг). Бич – или как там его прозывали по-гречески – на ломаном английском попросил мастера пройти в контору, чтобы заплатить портовый сбор. Что ж, законопослушный Иван отправился – предусмотрительно заперев вход в салон и приподняв трап.

Потом мы посчитали, что в итоге наше плавсредство простояло у причала без присмотра всего лишь около получаса. Ровным счетом ничего страшного – ситуация обыденная. Миллионы яхтсменов оставляют свои плавучие домики на целые дни напролет, порой вовсе не запи-

рая, на всех пирсах мира, от Турку до Гаваны. И никогда я не слышала, чтобы какую-то яхту ограбили. А тут...

Я вернулась на «Марину VII» первой. Таксист подвез меня с горой продуктов прямо к трапу и помог перенести пакеты на палубу. Отсутствие команды не удивляло – дело обыденное, мало ли куда отошли ребята. Однако даже передать не могу, какой приступ разочарования, отвращения и злобы я испытала, увидев, что замок в пластиковой дверце, ведущей в салон, взломан, а внутри царит полный раскардаш! Какая-то сволочь забралась внутрь и устроила форменный дебош!

Из обоих мини-холодильников были выброшены продукты. На полу валялись лоции, несколько листов обшивки оказались вскрытыми. Налетчики потрудились также в наших каютах: все содержимое моего чемодана вывалили на койку. Я заглянула в носовое капитанское лежбище – та же картина. Похожий беспорядок царил и в обиталище братьев.

Вскоре явились мужчины, и мы принялись наводить порядок, оценивать убытки. Выяснилась поразительная вещь: кроме морального, налетчики не нанесли нам никакого вреда! Слава богу, каждый из нас покидал борт со всеми своими наличными и кредитками. А ценные вещи, остававшиеся на яхте, остались в неприкосновенности: и три фотоаппарата, и объективы, и две видеокамеры, и телефоны братьев. Да, навели хамский беспорядок – но не больше того.

Вопрос: что искали налетчики? Стало тревожно. Нехорошее предчувствие заползло в душу.

По общему молчаливому соглашению мы не стали вызывать полицию. Во-первых, и вправду супостаты не причинили никакого материального ущерба, а во-вторых, мы были не слишком высокого мнения о греческой полиции. Эллины роли стражников порядка, думается, исполняли все-таки лучше наших ментов (потому что хуже уж некуда), но все равно связываться с ними не хотелось. Кроме того, это сильно затянуло бы нашу стоянку на оказавшемся столь негостеприимном острове С.***

Мы ограничились тем, что поспрашали наших соседей по причалу. При стоянке в марине⁴ соседей обычно бывает полно, словно в старой питерской коммуналке: как минимум пять экипажей – и те, кто стоят с тобой борт о борт, и те, кто помещаются у причальной стенки с другой стороны пирса. Однако на сей раз мы, к несчастью, пришвартовались на рыбацком пирсе, причем лагом (то есть бортом), а не кормой, как обычно. В результате возможными свидетелями оказались лишь два суденышка.

На первом нас встретила чета заспанных пожилых французов. Они, судя по количеству имущества, жили на яхте уже давно, в интересующее нас время предавались мирной пенсионерской сиесте и ничегошеньки не видели, не слышали. Поляки, соседствующие с другой стороны, оказались более наблюдательными: они заприметили троих мужчин невзрачной наружности, что всходили на наш борт. Однако им и в голову не пришло, что граждане могут оказаться налетчиками, – яхтсмены решили, что они – люди из нашего экипажа. Ничего удивительного: ведь и нас, и наш корабль поляки видели в первый раз.

Целых троє налетчиков напрягли меня еще больше, и я была только рада, когда шкипер, как и положено командиру, безо всяких рассусоливаний приказал готовиться к отплытию. Мы навели порядок, принайтовали⁵ все вещи и на закате снова вышли в море.

Вскоре стемнело – стремительно, как всегда на юге, – и мы пошли по радару. Я заступила на вахту. Капитан Иван остался со мной в рубке, и я чувствовала: назревает разговор.

Наконец, шкипер спросил:

– Что это было? – имея в виду, конечно же, налет.

⁴ Мариной обычно называют порт, специально предназначенный для стоянки яхт.

⁵ Принайтовать (*мор.*) – прикрепить тросом.

- Представления не имею.
- Что они искали?
- Теряюсь в догадках.
- Ты что-нибудь везешь?
- А ты?
- Я первый спросил.
- Ваня, ты знаешь меня сто лет, я похожа на контрабандистку?
- А я?
- Кажется, тоже нет.
- Надо поговорить с братьями.
- Тебе, как капитану, удобнее у них спрашивать.
- Удобнее-то удобнее, только я все равно не могу представить, чтобы Воскобойниковы что-то творили втайне от нас.
- Стало быть, все вне подозрений? Знаешь, Иван, чужая душа потемки, а когда тебе предлагают ну очень большую сумму – бывает, ломаются даже самые крепкие люди.
- Есть и еще один вопрос.
- Какой?
- Эти трое нашли, что искали? Или налет повторится?
- А ты не находишь, что попытка ограбления могла быть случайностью? Или ошибкой?
- Инка, ты сама-то веришь в то, что сказала?
- Я вздохнула:
- Не очень.
- Вот и я тоже.
- Что ж, тогда мы не будем больше швартоваться. Нигде. Горючки должно хватить до самого Сочи, а воду и пищу поэкономим. Хотя... Если кто-то из нас везет что-то действительно ценное...
- Да, настоящих пиратов то, что мы на ходу, не остановит.
- Скоро подойдем к Босфору, а Черное море – оно ведь наше внутреннее, там будет легче.
- Мастер хмыкнул:
- Если пираты – не из русских. Или – хохлов. Или – грузин. Или – кто там еще на берегах Понта Эвксинского проживает? Румыны, цыгане?
- Цыгане-пираты – что-то новенькое, – засмеялась я.
- Мы оба изо всех пытались обратить наш невеселый диалог в шутку или хотя бы в полушутку, однако у нас не очень-то получалось. На душе скребли кошки.
- Через пару часов капитан снова поднялся ко мне с двумя чашками кофе.
- Не спится, Ванечка? – спросила я ласково.
- Я опросил братьев, – буркнул кэп. – Они ушли в глухую несознанку.
- Еще бы! Ты ж тоже не признался.
- Подозреваешь всех?
- Ага, – принужденно рассмеялась я. – И себя саму – тоже. Но знаешь, что я подумала?
- А вдруг о том, что мы везем, знает лишь заказчик? И нас используют втемную?
- Мастер подхватил:
- Как в том старом фильме с Луи де Фюнесом и Бурвилем? Как он назывался?
- Тот, где человеку дали перегнать машину с бамперами из золота? И с алмазом в клак-соне?
- Ну да.
- Кино называлось «Разиня».
- Неужели мы с тобой похожи на разинь? И что теперь делать? Разбирать яхту по винтику в поисках золота-бриллиантов?

* * *

Бортовой журнал. День похода ***, ***, ***, июля 2*** года. 23.10 Пасмурно. Волнение 1–2 балла. Курс – 010. На траверзе островов *** и *** (Греция).

Продолжительность и последовательность вахт мы с ребятами устанавливали по собственному разумению, кому как удобнее. Решили, что каждый из нас будет дежурить по шесть часов, но зато раз в сутки – и я, известная сова, выпросила себе время с десяти вечера до четырех утра.

Вот и ночь, последовавшую за налетом в порту и нашим стремительным бегством с острова С***, я снова проводила в рубке. Обычно после полуночи я бодр и весела – но не в тот раз. То ли сказалось долгое плавание, то ли напряжение, в котором я пребывала, – особенно усилившееся после попытки ограбления; а может, виной всему была безлунная, темная, душная ночь, но в сон меня клонило невероятно. Я клевала носом, слушала музыку и подпевала «Депеш Мод». Однако мало что помогало, и я уж думала схитрить и поднять капитана Ивана, заступавшего на собачью вахту⁶, на часик пораньше, в три – я все ж таки женщина, должны мне быть поблажки! – но вдруг снизу, из кокпита⁷, раздался негромкий, но ощутимый хлопок. Корпус яхты слегка встряхнуло. Я инстинктивно бросилась вниз. Уже на подлете мне в нос ударил едкий запах испаряющейся химии – так обычно горит пластмасса или проводка. Скатившись с трапа, я увидела ужасную картину: на штурманском месте вместо радио – груда тлеющих обломков. И дым, дым...

Из капитанской каюты вылетел заспанный Иван в одних трусах – жилистый, покрытый седым волосом. Оба брата по-прежнему дрыхли – а может, делали вид. Несмотря на стрессовую ситуацию (или благодаря ей) мое сознание работало необыкновенно ясно – подмечая, запоминая, осознавая множество мелких деталей. На автомате я схватила огнетушитель. Не зря зануда кэп в первый день похода отработал с нами команды «Человек за бортом!» и «Пожар!» – после той тренировки я могла найти противопожарные средства с закрытыми глазами. Я нажала рычаг, и струя пены ударила в тлеющие обломки. Мастер бросился открывать *форточки* – так, с пижонством старых морских волков, мы называли иллюминаторы. Запах горелого пластика и впрямь казался невыносимым – я некстати вспомнила распространяемый «Гринписом» факт, что даже одна молекула фенола в воздухе способна вызвать раковое заболевание.

Свежий ветерок засквозил из иллюминаторов, и облако химического дыма стало быстро рассеиваться. Тут, наконец, пробудились братья, выползли, позевывая, из своей кормовой каюты.

Я оставила их и кэпа разбираться с вдруг взорвавшейся ракетой – право, первый случай в моей походной практике, да и не слыхивала я никогда, чтобы нечто подобное на яхтах происходило. Хотя волнение на море практически отсутствовало, земля и встречные суда в момент, когда я кинулась вниз, на экране радара не отсвечивали, мне лучше было вернуться: на автопилот надейся, а сам не плошай.

Но, выскочив на палубу, я испытала настоящий шок!

По правому борту, на расстоянии не более четверти кабельтова, шел, взрывая пену, скоростной катер черного цвета, четко выделявшийся на фоне серого моря и серого неба. Две человеческие фигуры на палубе судна были вооружены. Я оглянулась – и слева по борту обнаружила, словно зеркальное отражение, точно такой же катер, только вооруженных людей на нем оказалось трое.

⁶ Собачья вахта – та, что начинается с четырех часов утра.

⁷ Кокпит – открытое помещение на небольшом судне.

Я только и успела, что крикнуть нашему экипажу: «Всем наверх! Попытка захвата судна!» – как меня ослепил ударивший в глаза прожектор с одного из судов, и кто-то прокричал в мегафон на ломаном английском:

– Заглушить моторы! Лечь в дрейф! При неповиновении открываем огонь на поражение!

На палубу выскочил испуганный капитан Иван, а я все-таки дернулась к лавке, открыла крышку, вытащила ракетницу и на глазах изумленного кэпа, который не успел мне помешать, сумела зарядить ее и выстрелить в сторону одного из катеров. Та зашипела в море – перелет. С трапа на палубу выскочили из кубрика, шурясь, братья Воскобойниковы.

И в этот момент с катера, который я столь бессмысленно и бездарно пыталась контратаковать, ударила автоматная очередь. Пули просвистели над головами, мы, все четверо, инстинктивно пригнулись. С другого судна тоже загремел автомат. Пули, похоже, прошли совсем рядом, и я, вместе со всем экипажем «Марины VII», бросилась ничком на палубу. Однако все-таки успела перезарядить ракетницу и еще раз пальнуть – на этот раз вертикально вверх красным⁸.

Не растерялся и Артем Воскобойников. Он выскочил на палубу со спутниковым телефоном и, лежа рядом со мной, пытался с кем-то соединиться – но тщетно. Артем в досаде пробормотал: «Нет сигнала!.. У них глушилка, заразы!..»

А через минуту через леера⁹ перемахнули люди в черном, наставив на нас автоматы.

* * *

Бортовой журнал недоступен. Руки связаны за спиной. Я заточена в своей каюте. Что ж, стану делать заметки в уме.

День плавания, похоже, *** – следующий. Значит, сегодня – *** июля. Время, судя по солнцу, пробивающемуся сквозь зашторенный иллюминатор, около десяти утра. Курс, если ориентироваться на то же светило, от зюйд-зюйд-оста до зюйд-зюйд-веста, то есть от ста пятидесяти до двухсот двадцати градусов – практически обратный тому, каким мы шли. Ясно. Волнение, похоже, усилилось до трех-четырёх баллов.

Я лежала ничком на койке, стараясь вытянуться параллельно ДП (диаметральной плоскости) – так меньше ощущалась качка, которая в закрытых помещениях переносится гораздо хуже, чем на вольном воздухе. Но сейчас мне думалось не о морской болезни: я все пыталась проанализировать, что же произошло и как выпутаться из плачевной ситуации, однако получалось плохо. В мозгу проносились лишь отрывочные глупые мысли: «Пираты?! Откуда они здесь? Такого не бывает! Мы не у побережья Сомали, а в Эгейском море!» Я прислушивалась к доносившимся сквозь переборку гортанным голосам захватчиков – говорили они по-арабски, однако, насколько я могла судить, с акцентом. Какой именно акцент, я не сумела разобрать, но мне отчего-то казалось, что французский.

Но мысли текли вяло – сказывалась бессонная ночь, да и качка убаюкивала меня, словно младенца в люльке. Я то и дело соскальзывала в забытие, сопротивлялась ему, улетала в беспмятство, потом на секунду пробуждалась – и, наконец, задремала настолько, что сумела увидеть сон: долгий, тягостный и очень реалистичный. Все так, как случилось на самом деле: сперва – звонок в дверь, и незнакомый человек в строгом костюме говорит: «Мужайтесь, Инна Ивановна, у меня для вас печальное известие. Ваш супруг, Вадим Петрович, скончался. Он погиб в автомобильной катастрофе, во Франции», – а дальше, как и тогда, лишь отдель-

⁸ Красная ракета (или же файер) – международный сигнал бедствия.

⁹ Леер – туго натянутый трос.

ные слова сквозь гул в ушах: «Авария... Повреждения, несовместимые... Врачи боролись до конца...»

Затем сон перенес меня на Богородское кладбище, и я опять увидела день Вадиковых похорон, в точности как в реальности: мелкий дождичек, черные зонты, черные костюмы, заплаканные лица людей. В толпе я различала искаженные лица свекрови и мамы – они поддерживали друг друга... Насупленные, растерянные друзья, множество незнакомых лиц, теперь особенно видно, как его все любили. Беззвучно рыдает капитан Иван. Из всех сил сдерживаются братья Воскобойниковы...

И опять смена декораций. Я снова испытываю шок – словно все еще не знаю, что должны сказать люди, которые пригласили меня в неприметное здание безо всякой вывески. «Это награды вашего супруга, покойного Вадима Петровича... Этим орденом он награжден посмертно... Да, боевого Красного Знамени. Нет, их вы забрать не можете, так как награды боевые, а деятельность вашего супруга по-прежнему под грифом «совершенно секретно»...

Так я и переживала во сне самые сильные потрясения четырехлетней давности – словно подсознание готовило меня к скорой встрече с любимым мужем – очевидно, на небесах... «Да будет ли оно?!» – воскликнула я во сне – и проснулась, и поняла, что ответа на этот вопрос никто не знает, но, скорей всего, он однозначный: «Нет!». Нет, мы с ним больше никогда не встретимся, ни в этой жизни, ни в загробной. И значит, я должна бороться, цепляться за жизнь и свое дело! Как в последние свои минуты, не сомневаюсь, сражался мой Вадим...

... Следующие сутки я провела отрезанная от всего мира. Трижды ко мне в каюту приходил конвоир: приносил пищу, воду и пустое ведро. Он был с автоматом и в маске, так что лица не различишь, только глаза, спокойные, темно-оливковые. Автомат – американского производства. Тюремщик не выходил: развязывал мне руки и смотрел, как я ем. Слава богу, отворачивался на минуту, подав мне ведро. «Мерзавец», – шептала я про себя и молилась. Однажды до меня донесся громкий, возмущенный голос капитана Ивана, и я порадовалась, что он жив. Братьев я не слыхала, но почему-то была уверена, что с ними тоже все хорошо – насколько о подобном можно говорить в нашем положении.

А еще я мучительно пыталась придумать план спасения. Но то, что приходило в голову, было, по зрелому размышлению, совсем невыполнимым, а простые способы выручить себя и друзей никак не придумывались.

И еще я размышляла – и недоумевала, – отчего *они* нас попросту не взорвали? Зачем этот захват? Я спрашивала себя и о том, почему они нас всех не убили? Ответ на оба вопроса мог быть лишь одним: противники очень дорожат тем, что они захватили. И *вещью*. И всеми нами (или одним из нас).

* * *

Вместо бортового журнала. *** день похода, четвертый день после захвата. Значит, *** июля. Ночь. По ощущениям, около четырех утра. Яхта по-прежнему во власти пиратов. Курс, вероятнее всего, около двухсот семидесяти, то есть строго на восток. Мы возвращаемся?

Все эти дни я провела в одном и том же положении – со связанными руками на своей койке. Ничего не менялось: я ни с кем не говорила, не слышала никого из наших, не видела ни единого человека, кроме моего тюремщика. Захватчики, как и раньше, разговаривали между собой по-арабски, однако я совершенно уверилась, что практически для всех из них это язык не родной. Зачем же тогда они используют его? Чтобы замаскировать свою истинную национальность? Замаскировать – перед кем и для чего? Из-за нас? Значит, они все-таки собираются оставить нас в живых? Может быть, получить выкуп? Нет, скорее *работать* с нами. Впрочем, пока остается только гадать...

На второй день изменилось лишь то, что мой тюремщик начал заставлять меня разминать руки и только потом снова связывал их жесткой пластиковой лентой.

И вот, на четвертую ночь я вдруг проснулась: в мой иллюминатор ударил сверкающий ослепительно белым луч прожектора. Потом он убежал, оставив меня в темноте, нахлынул снова. Вскоре я услышала наверху возбужденные голоса – на этот раз говорили по-французски. Затем ночную тишину прорезала очередь – очевидно, крупнокалиберного пулемета, потом где-то неподалеку взревел мотор скоростного катера, послышался мерный шум приближающегося большого судна. Потом – чья-то беготня по палубе, быстрый топот по трапу, треск ломаемой двери в мою каюту, яркий свет, бьющий прямо в глаза, и удивленный выкрик, причем на чисто русском языке:

– Гля, баба!

...Дальнейшие события достаточно хорошо освещены в сотнях средств массовой информации, отечественных и зарубежных. Подробно описано, что пираты скрылись в неизвестном направлении и задержать их не удалось. Сообщалось, что российские десантники доставили нас троих – меня и братьев Воскобойниковых – на десантный корабль «Стремительный». Капитан Иван Домнин остался на яхте «Марина VII» и с помощью нового экипажа из двух человек, перешедших с военного российского корабля, доставил-таки наше плавсредство в пункт назначения: порт Сочи. Кое-кто также, с некоторым удивлением, отметил, что прибытие яхты в Россию прошло совершенно незамеченным и никто из пишущей или снимающей братии ее так и не увидел.

Словом, внешняя канва дальнейших событий вокруг нашего многострадального судна известна, в буквальном смысле, всем и каждому. Посему я не стану на них останавливаться, замечу лишь, что уже на третий день после того, как мы перебрались на «Стремительный», я попала в объятия моего любимого сына Антошки в аэропорту Шереметьево. Меня даже встретила пара фотокорреспондентов и несколько телекамер – однако новости о захвате и освобождении нашей яхты уже перестали быть самыми горячими и сместились с первых полос куда-то в глубь народного интереса.

Впрочем, многие пытливые умы интересовала не внешняя последовательность событий, а их глубинная взаимосвязь. Десятки, сотни, даже тысячи специалистов и комментаторов высказывали миллионы версий, пытались ответить на самые животрепещущие вопросы:

Кто захватил нашу яхту?

Почему они это сделали?

Какой груз она перевозила?

Отчего российские власти, зачастую очень неповоротливые, когда дело касается защиты прав своих граждан, на сей раз подняли вокруг крохотной яхты такой шум и столь быстро нас освободили?

Что только не говорилось! Каких только версий не высказывалось!

Мы везли наркотики. Нет, оружие. Нет, секретную информацию о НАТО. Нет, сокровища. Нет, личное, особо секретное послание французского президента нашему.

Нет, на самом деле мы переправляли палестинцам зенитные ракеты. И нас захватил израильский спецназ. Нет, мы везли новейшие вооружения израильтянам, и нас перехватили арабы. Нет, не арабы, а французы. Нет, не французы, а «Ми-6»...

Словом, гипотезам не было числа... Однако сколько бы я их ни слышала – порой самых невероятных, вплоть до вторжения инопланетян, – ни в одной из них никто даже не приблизился к правде.

Я тоже не могу вдаваться в подробности – и потому, что не имею права, и потому, что многого просто не знаю. Однако основную канву обозначу, потому что это история не о международном шпионаже, а обо мне и, отчасти, о Вадике.

Итак, истинная подоплека событий заключалась в следующем:

*** июня сего года, глухой ночью, во время испытаний на секретном полигоне, был угнан только что разработанный французский легкий танк «Леклерк» с совершенно оригинальным двигателем новейшей конструкции. Разумеется, никаких сведений об этом в средства массовой информации не просочилось. Французская полиция и контрразведка в ходе его поисков сбилась с ног, однако, несмотря на экстраординарные усилия, танк так и не был найден.

Спустя две недели, *** июля, из северо-испанского средиземноморского порта К*** вышла «Марина VII» – наша яхта.

Очень долго стоявшие на ухах французы и предположить не могли о наличии связи между двумя этими событиями. Я не знаю, каким образом они все-таки догадались. И только еще через *** дней, в результате тайного обыска нашей яхты в порту греческого острова С***, лягушатники, наконец, уверились в своих подозрениях: *новейший двигатель того самого танка Леклерк стоял на нашей яхте вместо штатного мотора!*

После этого в дело вступил французский спецназ.

Именно они захватили наше судно и пытались вернуть его назад.

К счастью, операция по переходу нашей яхты из К*** в Сочи проходила под постоянным контролем российских ВМС, и «Стремительному» удалось без боя отбить нас у французов.

Однако никто, кроме высшего руководства, разведчиков и контрразведчиков двух стран, о подоплеке событий не знал и не догадывался. Никто – ни экипаж «Стремительного», ни большинство французских спецназовцев. Ни о чем не знали и не догадывались даже братья Воскобойниковы и капитан Иван: в самом деле, не предаст тот человек, который сам ничего не знает. *А знали*, в чем дело, лишь очень немногие, особо посвященные исполнители.

Включая меня.

Вадик научил меня не только судовождению, но еще и азам разведки. Он и завербовал меня. И когда этим летом его коллеги предложили мне использовать мои знания и навыки – и яхтенные, и прочие, – я почти без колебаний согласилась. Потому что я продолжала дело своего любимого – советского, а затем российского разведчика-нелегала. И тем самым хотя бы отчасти отомстила за него.

И, знаете ли, теперь он стал реже являться ко мне во сне. И моя тоска по нему стала менее острой. Нет, я не освободилась от своего горя – но теперь, после того похода, научилась примириться с ним, и жить дальше, и смотреть в будущее.

Страна вечного лета

Я совсем не знаю тебя. И даже представить не могу, как ты выглядишь. Но почему-то мне кажется: ты – красивая. И добрая, и умная. И у тебя обязательно такие же нежные, ласковые руки, как у мамы. Мы с тобой близки друг другу, как никто. И у нас могло бы быть множество точек соприкосновения – общие игры и особые словечки. И понимали бы мы друг друга с полуслова, как могут лишь близкие родственники. Но жизни наши пошли совсем не так, как могли бы. Я не сомневаюсь, я просто уверен: ты, конечно, мечтала, чтобы рядом с тобой был я. Чтобы я защищал тебя, и помогал тебе, и делился с тобой какими-то своими секретами. Но так получилось, что ты никогда не видела меня, и искать виновных в этом, наверное, уже поздно... Только мне почему-то кажется: одинокими вечерами, когда ты устала и все вокруг плохо, ты все равно знаешь, чувствуешь, что – существую на этом свете. И что я тоже одинок. И буду самым счастливым человеком на свете, если ты обнимешь меня или просто коснешься губами моего виска...

* * *

Он ушел. К другой.

А Римма осталась – убитая, оплеванная. И ничто из проверенных временем лекарств ей не помогает – ни кровавые мечтания о мести, ни собственные слезы, ни сочувственные лица подруг. Правда, еще есть водка и сигареты... Или можно попробовать с головой окунуться в работу, заняться дайвингом или кайтингом¹⁰, попроситься на послушание в монастырь, отдаться другому, выплеснуть переживания в душераздирающий стих, затеять в квартире ремонт с перепланировкой...

Но только зачем ей все это, если ОН сказал ей: «Ты не нужна мне, Римма»?

Девушка, совершенно бесчувственная теперь, продолжала жить. По утрам вставала, принимала душ, одевалась, подкрашивалась, тащила на работу. Сидела за своим компьютером, тупо глядя в экран. Не отвечала на телефонные звонки. Бесстрастно выслушивала укоры начальника: «Проснись, наконец, Римма! Одумайся. Все проходит – и твое горе пройдет».

Шеф знал (в общих чертах, конечно) о ее беде. Она, разумеется, обещала ему, что все забудет. И возьмет себя в руки, вернется к работе, к нормальной жизни. Но только ничего не выходило – душа ее была мертва.

Очередным рабочим утром начальник, Павел Синичкин, велел ей сесть за компьютер и приказал:

– Так, Римка, печатай заявление. Число сегодняшнее. «Я, Цыплакова Римма Сергеевна, прошу предоставить мне очередной отпуск начиная с завтрашнего дня».

Она машинально напечатала и только потом взглянула на босса:

– Но мне не нужен никакой отпуск.

А Павел хитро улыбнулся:

– Нужен, Римка, нужен. Более того, я даже знаю, куда ты поедешь. Я обо всем уже договорился.

Она против воли улыбнулась:

– И куда же вы меня отправляете?

– О-о, далеко. На край Земли, – хмыкнул тот. И серьезно прибавил: – Только там из тебя и выбьют всю твою несчастную любовь.

¹⁰ Кайтинг – запуск воздушных змеев.

* * *

Женщины, с их постоянными проблемами, такие забавные! Одну бросил любовник, у другой не ладится карьера (с чего они вообще взяли, что слабому полу дано чего-то добиться в карьере?), третья помешана на поиске вечных истин, и объяснять ей, что прежде неплохо бы научиться варить борщ, просто бесполезно. Но я – разумный, здравомыслящий человек. И прекрасно понимаю, что именно женщины со своими высосанными из пальца бедами пополняют основную статью моих доходов. Плюс к тому повелевать этим послушным, беззаветно преданным стадом просто приятно. А когда в нем, среди безмозглых овец, случайно оказываются строптивые – еще и забавно. Создается видимость борьбы. Ты принимаешь на себя удары их слабеньких, плюшевых рожек, делаешь вид, что пытаешься защищаться, – и в конце концов подчиняешь себе любую стопроцентно.

Многие из тех, кто ездит на мои семинары, знают меня давно и преданы мне безусловно. Они следуют за мной по всему миру и готовы таять в моих руках, словно податливый пластилин. Но в каждой новой поездке обязательно оказываются и новички – я постоянно вербую себе клиентов, в Интернете моей рекламы полно. И она цепляет – именно тех, кого и должна цеплять: не нищее быдло, но неплохо обеспеченный офисный планктон. «Устали от города? В жизни нет места радости? Ищете что-то совершенно новое? Тогда – только море, солнце и восточные единоборства. Далеко от Москвы, в дружелюбной, очень дешевой стране. И в приятной компании людей вашего круга. Две тренировки в день – на рассвете, под шепот пальм, и на заходе солнца, под шум прибоя. Индивидуально подобранные физические нагрузки, сбалансированное питание, аюрведический массаж плюс здоровый адреналин – мотобайки, катание на слонах, путешествия на рыбацких лодках. Количество мест ограничено».

Да, многих уставших от мегаполиса моя реклама цепляет. Особенно женщин – это ведь их любимое, тайное желание: сбежать при возникновении малейшей проблемы на самый край света. В надежде, что именно там они найдут свое счастье. Ну и любовь, конечно. Вот я и даю им такую надежду. Тем более что с текстом рекламы всегда моя фотография соседствует – профессиональная, с грамотно оттененным лицом и проникновенным взглядом. И подпись со всеми регалиями: Валентин Волин, черный пояс по кекусинкаи, мастер спорта, лауреат, дипломант, кандидат и тэ пэ.

А рядом мое, выделенное жирным шрифтом, обещание:

«Поехали вместе! Вы вернетесь совсем другими».

* * *

Павел ей, конечно, начальник. Но по работе, а не по жизни. С какой стати он взялся решать, когда и куда ей ехать в отпуск? Но не прикажешь ведь шефу, чтобы заткнулся... Вот и пришлось выслушать целую речь:

– Римма, солнышко! Я ж о тебе забочусь! Ты только представь: Индия, южный Гоа. Чистейший океан. Вода и воздух – всегда плюс двадцать восемь. Только поваляться на пляже – уже счастье! Но там еще и семинар по карате, в столь райском местечке! Во-первых, полезно, ты хоть и секретарша, но все-таки работаешь в детективном агентстве, восточные единоборства всегда пригодятся. А во-вторых, подумай, какой там народ соберется: наверняка сплошь аппетитные, тренированные «качки», которые станут носить тебя на руках. Да ты своего сопляка, по которому сохнешь, забудешь в два счета!

Снова разбередил рану... Девушка всхлипнула:

– Не нужны мне никакие качки! И вообще ничего не нужно...

И тогда Пашка, явно уже исчерпавший лимит собственной заботливости, рывкнул:

– А ну хватит канючить! Выбирай: или ты едешь в Индию – или увольняйся, к чертовой матери!

И что оставалось делать? Только соглашаться. В конце концов, ей ведь не сверхурочно работать велят, а в отпуск отправляют...

* * *

Суматоха, предшествовавшая отъезду, немного реанимировала Римму. Поди успеи все за один-единственный день: сделать визу и оформить билеты, да еще купить купальник, солнцезащитные кремы, а также множество других необходимых в тропиках мелочей. Тут не до горьких мыслей... Но едва оказалась в самолете, взявшем курс на неведомую Индию, тоска нахлынула с новой силой. Подумать только: ведь совсем недавно она тоже собиралась на тропический курорт. На нормальный – Бали, Мальдивы, Сейшелы. С человеком, боготворившим ее, которого боготворила и она сама. А вместо этого – впереди какая-то непонятная страна. И даже здесь, в российском самолете, уже полно странных людей: не слишком приятно пахнущие аборигены в чалмах, налысо бритые девушки с просветленными взглядами, бородатые, испещренные татуировками мужики...

Полет измотал, а дорога из аэропорта (индийские таксисты ездят абсолютно без правил!) окончательно доконала. Но спортивный городок, расположенный на полуострове, на склоне горы, оказался красив. Океан у подножия, солнце, пальмы, и под их сенью разбросаны штук сорок аккуратных коттеджиков. При каждом – терраса, на ней обязательно шезлонг и гамак.

Домик Римме достался чуть ли не самый удачный – на верхушке горы, с потрясающим видом на синюю гладь. Все чистенько, индусы, обслуживающий персонал улыбки. Только вороны картину портили – их в пальмовой роще целое полчище оказалось, скандалят, каркают целый день.

И еще большее разочарование постигло девушку, когда она увидела, кто на самом деле – вместо обещанных Павлом мускулистых качков – явился на выездной семинар по восточным единоборствам. Какие там мускулистые мачо! Обычная русская группа, похожая по составу на те, что ездят в туры на автобусах. В большинстве своем – одинокие тетki около сорока и старше. Несколько мамаш с детьми. А единственный мужчина оказался и не мужчиной даже, а совсем молодым парнем. Правда, симпатичным: высокий, обаятельный, голубоглазый. Евгений Медин (так его звали) в первый же вечер очаровал всех теток оптом. Угощал коктейлями, сыпал комплиментами, внимательно слушал, остроумно шутил. Смущало только, что парень носил шлепанцы с явно подлинной надписью «Dolce&Gabbana» и представлялся с нескрываемой гордостью: я, мол, топ-менеджер в такой-то (довольно известной) компании. А главное, он неуловимо – не внешне, но по всем повадкам – походил на человека, кто буквально только что погубил Риммину жизнь. На того, знающего себе цену, обеспеченного, остроумного человека... который в пылу их последней ссоры безжалостно произнес: «Ты не нужна мне, Римма».

Эта фраза, похоже, будет преследовать ее всегда. И везде. Даже здесь, на далеком от Москвы индийском пляже. И ни плеск морских волн, ни всполохи фейерверка, ни мягко пьянящие местные коктейли не способны заставить ее забыть...

* * *

Выспаться на новом месте Римме не удалось. Во-первых, море всю ночь шумело, отчаянно билось о прибрежные камни. А едва забрезжил рассвет – вороны принялись каркать. Откуда они, интересно, взялись здесь, на тропическом острове? Да и страшновато было: все время чудилось, что в ее одинокую (как теперь все время, наверное, будет) постель какой-

нибудь скорпион пробирается... Коттеджики-то здесь совсем летние – доски подогнаны не плотно, через щели в крыше проглядывает небо... Кто угодно может забраться!

Вообще, идея отправиться в Индию на какой-то совершенно ненужный ей семинар в компании незнакомых людей, оказавшихся к тому же занудными тетками, пожалуй, была ошибкой. И если вчера, после пары коктейлей, новые знакомые представлялись ей хотя бы забавными, то сегодня – просто раздражали. Особенно одна дамочка – по виду лет сорок пять, а юбка совсем короткая, и голосок противный – писклявый, как у девчонки. Имя у нее соответствующее – Матильда. А уж содержание речей и вовсе вне всякой критики.

– Это просто катастрофа! Я нигде – поверите, нигде! – не смогла купить качественных дезинфицирующих салфеток! Все какие-то облегченные – с глицерином, с алоэ вера. И – без спирта! Как теперь быть – просто не знаю! – без передыху воскликнула она.

– А зачем вам салфетки со спиртом? – не удержалась Римма.

– Как зачем? Руки перед едой протирать! – возмутилась дама. – Вы что же, милочка, не в курсе, что дизентерия и гепатит А – это болезни грязных рук? Подцепить их в Индии – легче легкого.

– Неужели салфетки со спиртом спасут? – усомнился кто-то.

– Может, и не спасут, – вздохнула тетка. – Но так я хотя бы знала, что все необходимые меры приняла.

– Так вы тогда лучше спирт внутрь принимайте, – встрял один-на-весь-курятник красавец, топ-менеджер Мединов. – По сто граммов джина ежедневно, в соответствии с указом королевы Елизаветы.

Римма усмехнулась – про указ королевы, которая таким образом заботилась о здоровье английских солдат, она читала в путеводителе. Матильда же, наоборот, взвилась:

– Вы мне еще анаши предложите покурить!

Девушка удивилась такой ее реакции. Ну что такого – сто граммов джина? Тетка-кара-тистка совсем, похоже, на здоровом образе жизни повернута. Может, действительно лучше сбежать домой? Или, по крайней мере, держаться подальше от этой, якобы спортивной, компании. Что, если и правда забить на семинар да и съехать отсюда к чертовой бабушке? Коттеджиков-то по всему пляжу полно. Стоят они копейки, а соседями, скорее всего, окажутся не странные люди из тургруппы, но адекватные на вид англичане или португальцы...

Впрочем, на первую тренировку Римма решила все же сходить. Все равно ведь вскочила в шесть утра.

И, оказалось, она не прогадала.

Девушка и прежде занималась спортом (не большим, конечно, а в оздоровительном, клубном варианте – аэробика, степ и даже карате), но никогда не получала от тренировок особого удовольствия. Отбывала их, потому что понимала: нужно, для фигуры и для здоровья. А тут... Вместо душного зала – открытая, затененная пальмами площадка. Вместо вонючих кондиционеров – легкий утренний бриз. И, главное, на первом занятии Римма наконец увидела знаменитого Валентина Волина.

Вот это уж мужик так мужик! Вот у кого фигура так фигура! Ни одной лишней жиринки, а всякие там бицепсы с трицепсами будто сошли с рекламного плаката гантелей. Плюс цепкий взгляд карих глаз и тихий, но мгновенно заставляющий умолкнуть голос.

Занятие он провел так, что довольны, похоже, остались все. Сначала разминка, дыхательные упражнения, легкий самомассаж, несколько асан из йоги, потом – растяжка для слабо подготовленных теток, а Римме, топ-менеджеру Мединову и еще нескольким – отработка ударов. Вроде бы все как обычно: отжаться, присесть, наклониться, подкачать пресс, поколотить «грушу». Но только в московском спортивном клубе Римме никогда не удавалось полностью отвлечься – от работы, от личных проблем, просто от посторонних мыслей, а здесь мозги будто отключили. Чувствовала только, как кровь мчится по жилам, и связки послушно растягива-

ются, и тело откликается благодарной, теплой волной... Пресловутые преследующие ее слова: «Ты не нужна мне, Римма» – прозвучали в голове, только когда тренировка закончилась.

Может, и не зря она сюда отправилась. А уж если вдруг (мелькнула такая мысль) ей еще удастся и красавчика-инструктора обаять, этого безумно привлекательного Валентина Волина... А что, жены у того явно нет. Тетки, прочие участницы семинара, Римме не конкурентки – все куда толще, неухоженнее и старше... И главное, со всеми тренер держался ровно, а ей, Римме, даже улыбнулся, когда расходились. И ласково произнес:

– Вы молодец. Растяжка на уровне, и удары неплохо поставлены. Только вот ногти... – метнул он взгляд на тщательно выпестованный «френч» Риммы. – Укоротить бы надо. Карате – не детские игрушки, можете поранить и других, и себя.

«Вот уж чего вы, господин инструктор, не дождетесь!» – возразила (правда, мысленно) девушка.

Своими ногтями, крепкими и длинными безо всякого акрила, она по праву гордилась. И едва вернулась после тренировки в свой коттедж и уселась на террасе, из духа противоречия решила сменить скромный офисный «френч» на вызывающе алый цвет. Интересно, заметит Валентин перемену?

Римма упоенно занималась маникюром, с удовольствием вдыхала запахи океана, слушала шепот пальм и была почти счастлива. Только карканье ворон раздражало. В какой-то момент – когда старый лак был снят, а новый она еще не нанесла – девушка даже не выдержала. Вскочила – и начала в надоедал комьями земли бросать...

И вдруг услышала женский голос на плохом английском:

– Хотите, чтобы я убрала отсюда птиц?

Вздрогнула, обернулась, увидела – рядом с ее домиком стоит женщина. Индианка. Вся в черном. Очень старая, морщинистая и страшная, правый глаз затянут бельмом.

– Что? Что вы сказали? – пробормотала Римма.

– Я сказала, что могу убрать птиц, – повторила женщина. – Если вы меня отблагодарите.

– И сколько вам нужно? – насторожилась Римма.

– Хотя бы сто рупий, – не смутилась женщина.

Сумма смешная. «Так она просто нищенка, наверное!» – подумала девушка. К ней здесь уже цеплялись, и она, конечно, никому не подавала. Но этой – можно. Хотя бы за выдумку.

– Держите. – Римма протянула черной тетке купюру.

Та с достоинством приняла деньги и пообещала:

– Начиная с сегодняшнего вечера ни одной вороны вы здесь не увидите.

– Что ж, буду надеяться, – усмехнулась Римма.

Забавно здесь у них, в Индии...

* * *

Ночь в тропиках навалилась внезапно. Вот солнце, только что ослепительно палящее, сменило свой жар на мягкую, чуть греющую улыбку. Еще полчаса – и оно уже почти на краю моря, беспомощное и красное... А потом, как по взмаху волшебной палочки, ярко-пурпурный шар будто растворился в море, и почти мгновенно наступила темнота. Точно в семь вечера. И тут же во всех кафешках на пляже вспыхнули лампочки иллюминации. А из домиков начали выползать принаряженные, готовые к вечерним приключениям туристы.

Сама Римма в свой второй вечер на Гоа никуда не собиралась. Лучшим приключением стало просто посидеть на прилегающей к коттеджу террасе. Выпить чаю – настоящего индийского, душистого. Полной грудью вдохнуть вечернюю прохладу. Удивиться, как еле слышно дышит океан...

Теперь ей ничто не мешало наслаждаться тишиной. Непонятно, как этого добилась индианка в черном, но вороны действительно исчезли. Зануда Матильда, правда, сказала, что на птиц просто расставили ловушки, те испугались и сменили дислокацию, но Римма считала, что без колдовства здесь не обошлось.

Впрочем, в Индии вообще много чудес. Мусора кругом полно – а помойкой не пахнет. Еда очень острая, и мухи роятся, но животом не маешься. И вообще Римма чувствовала себя здесь куда свежее, решительнее и моложе, чем в столице. Да и ее душевная рана, еще недавно казавшаяся неизлечимой, начала потихоньку затягиваться. Уже можно было думать о чем-то другом, кроме ЕГО предательства... И даже надеяться на новые приключения.

За те полтора дня, что Римма жила в спортивном городке, она успела познакомиться со всеми, но приятельских отношений ни с кем пока не завела. Да и что ей те сорокалетние тетки! Блестящий юноша Мединов тоже явно не герой ее романа. Вот только тренер, Валентин Волин... Этот весьма годится на роль мускулистого качка-утешителя. Но как к нему подбратиться? Возле него постоянно – и после тренировки, и на завтрак в ресторанчике, и если он просто по территории шел – толпа теток крутилась. Бесконечные вопросы про правильную растяжку и насчет здорового питания задавали, а на самом деле кадрились, конечно. И он терпеливо, улыбчиво всем отвечал. Так что, если вопрос задать, – извольте в очередь. А Римме, конечно, хотелось (втайне даже от самой себя), чтобы Валентин сам подошел. Все-таки она любой из прибывших на семинар дамочек сто очков вперед даст. Ведь и моложе – ей же двадцать семь, и куда симпатичней, и фигура у нее что надо, и умом Всевышний не обидел. Единственная в жизни ошибка – влюбилась в последнего идиота...

Однако Валентин ей лишь издали улыбался. Вежливо, отстраненно. И этим ее... нет, не бесил, конечно. Но волновал. Раздражал. Бросал вызов. И злые слова «идиота» («Ты не нужна мне, Римма!») приходили в голову все реже и реже. Мозг уже напряженно работал над новой задачей...

Вот и тем вечером Римма опять думала о Валентине. И о том, что нужно, наверное, не ждать, а сделать первый шаг самой. Просто оттереть вечно вьющихся вокруг тренера теток и задать ему какой-нибудь умный вопрос. Посмотреть на его реакцию, и по глазам, по тону определить, просто ли тот вежлив – или она ему интересна. Не просто как участница семинара...

И тут, будто по заказу, в свете неярких фонарей, освещавших городок, девушка увидела тренера. И – вот удача! – Валентин был один. Деловито шагал по направлению к дальним коттеджам. Жаль, что она сейчас в простеньком сарафане и голову после дневных купаний в море не успела помыть, однако все это мелочи.

Римма быстро всунула ноги в шлепки, легко сбежала с крыльца, ускорила шаг и уже приготовилась окликнуть тренера. Однако тот вдруг остановился. Напряженно замер – будто прислушивался. Обернулся. И Римма инстинктивно скользнула за пальму. Парень, похоже, не хочет, чтобы его видели. Но почему? И куда он, кстати, идет? Его коттедж – в другой стороне, ресторанчик, где коротают вечера участники семинара, тоже...

Инструктор же – кажется, уверившись, что его никто не видит, – продолжил свой путь. Римма очень осторожно следовала за ним – счастье, что шлепки у нее мягкие, совсем не хлопают. Слежка, конечно, целое искусство, и до совершенства в нем ей далеко, но только и Валентин явно не спец по обрубанию «хвостов». Непонятно только, с какой стати она его выслеживает...

Однако девушка все равно незаметно сопровождала инструктора до вершины горы. И с изумлением увидела, как тот в очередной раз остановился и напряженно огляделся по сторонам. А потом сделал еще несколько шагов и – без стука! – распахнул дверь домика, где проживала Матильда. Та самая нудная тетка, что страдала без спиртовых салфеток. Так-так... Какие, интересно, у Валентина могут быть с ней дела?

Римма не колебалась ни секунды. В несколько быстрых шагов добралась до коттеджа. Присела на корточки. И прильнула ухом к стене. Подслушивать здесь легко, индийцы будто специально для этого коттеджики строят – как попало, с огромными щелями по всему периметру.

Ждать пришлось недолго. Да и собственно *слов* Римма не расслышала. Потому что встреча нелепой Матильды и мужественного инструктора началась словно дурной порнофильм: ахами и вздохами прямо с порога. Затем скрипнула кровать, и страсть зазвучала с удвоенной силой. А Римма быстро и с немалым отвращением отпрянула от стены домика. Фу, ну и гадость! В сексе, конечно, ничего плохого нет, но до чего обидно, что прекрасный, идеальный-по-всем-статьям мужчина выбрал из всей их группы самую малосимпатичную и никчемную...

* * *

А ранним утром инструктор как ни в чем не бывало проводил тренировку. Выспавшийся, разглаженный, веселый. Снова пошутил над Риммиными ногтями – вот, мол, кому карате не нужно, может и так глаза выцарапать. Беззлобно поворчал по поводу слабого пола, представительницы которого способны без усталости расхаживать по магазинам, но не в силах выполнить каких-то двадцать пять отжиманий... «Девочки» из группы смотрели на тренера влюбленными глазами и добросовестно пытели, отрабатывая маваша-гири и лоу кик. Римма – в отличие от прочих – поглядывала на тренера хмуро, а когда в спарринге ее (как самую подготовленную) поставили против единственного мужчины в группе, Евгения, залепила тому прямой удар в полную силу – счастье, парень успел слегка отклониться, а то бы до крови бровь разбила.

- Эй, эй! Что за самодеятельность? Удары только *обозначаем!* – кинулся к ним тренер.
- Ты чего, Римка? – опешил и Евгений.
- Прости, – буркнула она. – Что-то настроения нет...
- Чего тебя вдруг на фулл контакт потянуло? – усмехнулся топ-менеджер.

«Да вас всех, мужиков, вообще убить мало», – едва не ответила честно Римма. Что за беда, действительно, с сильным полом? Или какие-то хлюпики, или сволочи, а попадаются симпатичные – почему-то выбирают великовозрастных, никчемных клуш. Обидно, честное слово! Валентин ведь, похоже, и в сексе – не меньший ас, чем на ринге. Вон Матильда после своей ночи любви даже на тренировку не явилась. Отсыпается, утомившись от сладких утех...

Однако несносная тетка не появилась и на завтрак. И днем на пляже ее не было видно. А в четыре часа, когда Римма спустилась в бар выпить ананасового фреша перед вечерней тренировкой, девушка в первую же секунду поняла: в стане каратистов что-то случилось. Официанты не бросились угодливо навстречу клиентке, а сбились в кучку и что-то горячо обсуждали на своем хинди. Валентин же, непривычно сосредоточенный и бледный – со щек вроде бы даже загар сошел, – беседовал возле стойки бара с каким-то незнакомцем. А тот – с ума сойти! – одет почти по-офисному. Не в костюме, конечно, без пиджака, но отутюженные брючки имеются, и галстук, и даже (страшно подумать, в послеполуденную-то жару!) облачен в носки и кожаные ботинки.

Римма, вроде как выбирая столик, чуть задержалась возле них и расслышала, как Валентин на неуверенном английском растерянно говорит своему собеседнику:

– Да, предьявляла... У нас все, кто на семинар приезжает, обязаны справку от врача предьявлять...

Тут уж Римме совсем интересно стало. Она угнездилась за столиком и требовательно замахала официанту по имени Джонсон, самому симпатичному из всех. А когда тот (с видимой неохотой) приблизился, вместо того чтобы заказать сок, требовательно спросила:

- Что здесь стряслось?

Джонсон опасливо покосился на индийца в костюме и, проигнорировав ее вопрос, задал свой:

– Как обычно? Ананасовый сок?

– Сначала объясни мне, в чем дело.

И официант еле слышно выговорил:

– Беда, мэм. Одна из ваших... сегодня умерла.

– Кто? – вскинулась Римма.

Тот понизил голос до почти совсем неразличимого шепота, но девушка все же разобрала:

– Матильда.

* * *

Вечернюю тренировку, конечно, отменили. Время, отведенное для спортивных занятий, участницы семинара провели в баре. Хотя Валентин и пытался установить в городке сухой закон, пили сегодня много – ром с колой и даже термоядерную местную самогонку под смешным названием «фени». Настроение было подавленным. Пусть Матильда с ее постоянными глупыми заявлениями, с вечной суетливостью и раздражала всех, но тем не менее жаль ведь человека. Здоровая женщина приехала в долгожданный отпуск – понежиться на берегу океана и необременительно позаниматься спортом – и вдруг погибла...

– Сердечный приступ, говорят, – шептался народ. – Она вчера на пляже четыре часа сидела, в самую жару. А потом опять нагрузка – на тренировке. Вечером небось еще и джина выпила. Для дезинфекции, как ей Женька советовал...

Римма тоже участвовала во всех этих обсуждениях, тоже охала и ахала. Переходила со стаканчиком настоянной на орехах кешью «фени» от столика к столику, узнавая все новые и новые подробности. Конечно же, ею двигало не одно только любопытство. Начальник, Павел Синичкин, учил: любая смерть, даже естественная, случайной никогда не бывает. Вот девушка и пыталась – просто для себя самой – разобраться, почему погибла Матильда.

Выведать удалось следующее.

Вечером, после вчерашней тренировки, Матильда выглядела очень усталой, жаловалась, что голова болит, а в глазах мушки мельтешат. Ужинать она не стала, ушла в свой коттедж, и никто после семи вечера ее не видел.

А сегодня после завтрака одна из семинаристок заглянула к ней в домик – позвать на пляж – и обнаружила Матильду еще в кровати. Та лежала, как-то неестественно вывернув руку. Неужели спит? Женщина удивилась – времени-то, между прочим, уже одиннадцать. Начала звать, Матильда не откликнулась. Подошла тогда ближе – а та уже холодная...

Еще Римма узнала, что Матильда, хотя и выглядела совсем никчемной пустышкой, в своем Петербурге была весьма известной особой. И очень не бедной к тому же. Оказывается, женщина владела целой сетью аптек и двумя спортивными клубами, собиралась открывать ресторан здорового питания, причем не где-то, а на улице Рубинштейна, в шаге от Невского.

– Сама мне хвасталась: оборот у нее миллионный, – докладывала любопытным одна из туристок.

– А чего же тогда в такую дыру отдыхать приехала? – недоверчиво спросила Римма.

– Так из-за Вальки.

«Вот как? Из-за Вальки?» – усмехнулась про себя Римма. А вслух, как могла небрежно, поинтересовалась:

– А что ей Валентин?

– Ну, она очень ценила его. Говорила, что Валентин – единственный тренер во всей России, кто умеет с женщинами работать. И хотела его в свой спортивный клуб перетянуть. Обе-

щала и расписание под него составить, и зарплату дать высокую. А со временем – еще один клуб открыть, чтобы только восточные единоборства и только для женщин.

«Ага, – хмыкнула мысленно Римма, – и заманивала парня к себе на работу через собственную постельку».

Хотя странно как-то. Будь Матильда молодой, красивой и соблазнительной – Валентина можно было бы понять. Если аппетитная дамочка предлагает хорошую работу да еще и секс в придачу, глупо отказываться. Но ему-то от силы тридцать, и на него западают абсолютно все женщины в радиусе километра вокруг. Зачем же спать с малопривлекательной теткой в возрасте? Ради карьеры? Но ведь женщины болтают: Матильда буквально за ним охотилась. Специально притащилась на его семинар аж в Индию, чтобы уговорить работать в своем клубе.

– А у Матильды с Валентином вообще какие отношения были? – осторожно поинтересовалась Римма. – Она ценила его как специалиста – и все?

Собеседницы за столом переглянулись. А потом одна из них фыркнула:

– Да ладно, ценила! Влюблена была в него по уши!

Вот оно!

– А Валентин? – гнула свое Римма.

И тут же услышала в ответ:

– Что – он? Плевал на нее с высокой колокольни, неужели не понятно. Валентин у нас твердокаменный. Сама ведь за ним охотишься – только без толку.

– Охочусь? Я? – возмутилась Римма.

Хотя если честно... А ради кого она надевает под кимоно максимально открытый топик? Кого ей все время хочется проводить взглядом, даже если он в ее сторону и не смотрит? За кем, в конце концов, она вчера вечером кралась, словно кошка?

– Да все мы за ним охотимся, – примирительно произнесла самая старшая из дам. – Как за недостижимым идеалом. И Валентину сие, безусловно, не только приятно, но и выгодно – семинары по всему миру, очень недешевые, группы всегда переполнены...

– А Матильда – просто одна из участниц семинара? – быстро произнесла Римма. – Или они с Валентином любовники?

Женщины переглянулись. Одна из них настороженно произнесла:

– Слушай, Римм... А тебе-то какое дело?

«Просто обидно, что он предпочел мне какую-то крысу!» – едва не вырвалось у девушки. Но вслух она, конечно, сказала совсем другое:

– Да просто любопытно.

– Думаю, – медленно заговорила еще одна из дам, – ничего у Матильды с Валентином не было. Она, конечно, восхищалась, как и все мы, – ах, мол, какой мужчина! Но только куда ей до него...

– Если уж он даже на Римку не повелся, – хмыкнула третья, – то Матильде ловить точно нечего было.

И остальные женщины согласно закивали.

«Значит, об их романе никто не знает, – подвела итоги разведки девушка. – Да и Валентину, похоже, совсем не хотелось, чтобы кто-то видел, как он заходит в домик Матильды. Но тогда... Значит, Волин причастен к ее смерти?»

* * *

Случай узнать подробности представился назавтра.

Когда Римма возвращалась с утренней тренировки (занятие Валентин провел, как всегда, безупречно, только почти не шутил, и глаза у него были грустные), она увидела: дверь в коттедж Матильды приоткрыта. А ведь вчера на ней даже бумажная «пломба» висела!

Естественное любопытство – подойти и узнать, кто там хозяйничает.

Римма смело взбежала на терраску – и на пороге коттеджа столкнулась с тем самым незнакомцем из бара. Воистину железный человек: опять в рубашке с длинными рукавами, и шея скована галстуком. В тропическую-то жару! Видно, осмотр места происшествия при свете дня проводит.

– Вы что-то хотели, мадам? – осведомился мужчина.

Английский неплох, вопрос вежлив, и тон безупречен, но все равно безошибочно понимаешь: человеку абсолютно не хочется беседовать с очередной любопытствующей русской туристкой.

– Да, я кое-что хотела, – не смутилась Римма. – Во-первых, выяснить, проводилось ли вскрытие, и достоверно ли уже известны причины смерти моей... – Она споткнулась, затем сделала над собой некоторое усилие и закончила фразу: – Моей подруги.

– Ваш интерес понятен. А что во-вторых? – скривился индеец.

Девушка немного поколебалась, но все же произнесла:

– А во-вторых, я хотела бы сообщить следствию некоторую информацию... которой располагаю только я.

Ее «во-первых» надменный следователь проигнорировал и тоном строгого экзаменатора произнес:

– Информацию? Слушаю вас внимательно.

Но не зря же Римма работала пусть и простой секретаршей, но в детективном агентстве! Хоть ее начальник Пашка и считает, что Риммин потолок – распечатывать на компьютере тексты и варить ему кофе, он даже ведать не ведает, что подчиненная уже давно усвоила некоторые его приемчики.

Поэтому девушка лишь плечами пожала:

– Сначала отвечаете вы. Потом – я. Кстати, меня зовут Римма. А вас как?

– Джай, – буркнул индеец. И мимолетно метнул пронзительный взгляд в ложбинку между ее грудей.

«Ага, раскусили мы тебя! Сам в костюме кутаешься, а поглазеть на почти обнаженное женское тело охоч!» Римма поощрительно улыбнулась. А костюмный вдруг покраснел, уставился в землю (ох, если бы все так просто было с нашими, российскими, следователями!) и пробормотал:

– Аутопсия назначена на сегодня. Однако предварительное медицинское заключение гласит: смерть вашей подруги была ненасильственной и последовала от сердечного приступа.

– А токсикологический анализ крови вы делали? – козырнула слышанным от Павла термином Римма.

И снова обожглась о раздевающий (теперь он концентрировался на ее более чем открытых ногах) взгляд индийца. Девушка демонстративно одернула юбку, как бы стараясь опустить ее ниже, и тем смутила мужчину еще больше. Хм, следователь, или кто он там, вообще девственник, что ли?

– Так что насчет ядов? – поторопила она собеседника с ответом.

– Все чисто, – покачал головой Джай. – В крови вашей подруги присутствуют только следы алкоголя.

Лицо мужчины приняло упрямое выражение. Похоже, он твердо решил: больше никаких нескромных взглядов. И никаких ответов на вопросы сверх меры любознательной русской.

– А что хотели мне сообщить вы? – Он извлек из карманчика своей белоснежной рубашки блокнот и ручку.

Господи, как же рассказать-то ему про Матильдино сексуальное рандеву так, чтобы не очень покраснел? А рассказать надо: во-первых, может для расследования пригодиться. Да и Валентину, сделавшему столь странный и, главное, обидный для Риммы выбор, следовало ото-

мстить. Пусть тоже покраснеет, помучается – когда его следователь о деталях расспрашивать начнет.

– Мне случайно стало известно, что накануне своей смерти, – осторожно начала Римма, – Матильда имела физиологический контакт с одним человеком...

И с удивлением увидела, как индеец возвращает блокнот с ручкой обратно в карман. И еще больше поразила, когда тот – без малейшего смущения – произнес:

– Вы, конечно, имеете в виду господина Валентина Волина?

– Вы знаете? – опешила Римма.

Но быстро взяла себя в руки. Ненароком уронила бретельку топа со своего успешного загореть плеча и задала новый вопрос:

– А откуда?

– Господин Волин мне об этом факте сам сообщил. Еще вчера.

Собеседник уже откровенно, не стесняясь, пожирал ее взглядом. И с легкой насмешкой в голосе поинтересовался:

– Вам известно что-то еще, чего я не знаю?

– Нет, – буркнула Римма. – Желаю вам дальнейших успехов в расследовании.

И поспешила от домика Матильды прочь. Сделала несколько шагов, но не удержалась – организовала, чтобы полы сарафана, будто бы от порыва ветра, взметнулись вверх. И добавила про себя: желаю успехов в борьбе со своими инстинктами, индийский извращенец!

* * *

Кафе, прилегающее к их спортивному городку, Римма обожала. Она давно мечтала, еще в родной Москве, найти местечко, где тебя все знают. Где бармен улыбается как родной и в курсе, какие напитки ты предпочитаешь в разное время суток. Где официанты готовы согреть душу к месту сказанным комплиментом. И повар готовит точно так, как тебе нравится: мясо средней прожарки и специй сколько нужно, и даже лепешки всегда жарит по ее вкусу – с хрустящей корочкой по краям. Ну, и бонус: посетители тоже народец знакомый – всегда можно и поболтать, и посплетничать, и новый наряд, уж точно, все заметят и оценят.

Но в Москве сколько ни бродила по кафе, даже с виду маленьким и уютным, но не нашла такое, куда бы хотелось возвращаться снова и снова. Только здесь, в Индии, отыскала отдушину. Отправляешься вроде просто перекусить – а настроение уже заранее повышается. Потому что знаешь: официант Джонсон немедленно кинется тебе навстречу, и знакомые с соседних столиков приветливо замашут руками, и, что немаловажно, сидишь практически под открытым небом, навес не в счет, и почти что у твоих ног колышется океан, и терпко пахнет водорослями и йодом, и смешные птички зимородки нагло требуют, чтобы ты с ними поделилась своей лепешкой...

Но из-за *происшествия* (а смерть Матильды в их спортивном городке тактично именовали только так) даже столь замечательное кафе начало откровенно портиться.

Вот и сегодня вечером: народу никого, а некогда безупречный официант Джонсон опять не бросился навстречу. Когда же Римма подозвала его требовательным взмахом руки, подошел с видимой неохотой, да еще и спросил:

– Вы желаете что-то заказать?

Право, странно звучит, когда подобный вопрос задают человеку, только что усевшемуся за столиком кафе.

– Да, милый Джонсон, – усмехнулась Римма. – Я хочу заказать ананасовый сок, и палак панир¹¹, и еще рис с овощами, и...

¹¹ Кусочки сыра в зеленом соусе.

– Сок принесу, – перебил официант, – а вот поужинать, к сожалению, не получится.
– И почему же?

– Повар уволился, – вздохнул тот. – Еще вчера.

«Очень интересно, – мелькнуло у Риммы. – Особенно если связать со вчерашней смертью посетительницы его кафе...»

– По какой причине?

– Ни по какой. Просто не захотел здесь работать – и все.

В разгар сезона? Когда в кафе полно клиентов? И при том что все прекрасно знают: хорошую работу в Индии найти очень и очень непросто!

– Да ладно, Джонсон, колись! – властно произнесла девушка. И заговорщицки подмигнула: – Я никому не скажу.

Официант колебался недолго. Видно было, что его так и распирает поделиться с клиенткой, которой он явно симпатизировал, последними новостями.

Джонсон понизил голос:

– Повар ушел потому, что его семью оскорбили.

– Семейю? – удивилась Римма. – А кто у него семья?

– Их здесь трое братьев работало, – продолжал просвещать ее официант. – Сурадж – повар. Раджа – массажист. И еще маленький Винсент в домиках убирал... Так вот Винсенту сегодня сказали, что он вор.

– Кто сказал?

– Один из ваших. – В голосе Джонсона зазвучали нотки неодобрения. – Господин Еу-ге-ний.

Ну, да. Блестящий менеджер и красавец-мужчина Евгений Мединов.

Римме вдруг стало весело.

– И что же ваш Винсент у него украл? Шлепки «Дольче&Габбана»?

Джонсон прижал руки к груди:

– Еу-ге-ний сказал: он возвратился в свой коттедж как раз во время уборки и увидел, что Винсент у него в вещах рылся. Но я всеми богами клянусь: наш малыш никогда бы так не поступил!

– У Евгения что-то пропало?

– Ничего. Но он накричал на Винсента и пошел жаловаться к начальнику, и тот велел малышу убираться. Тогда с ним ушли и Раджа, и Сурадж.

– И я осталась без ужина... – вздохнула Римма.

До чего некстати все эти индийские страсти!

И что теперь ей делать? Выбираться сейчас из спортивного городка? Снова возвращаться на пляж, идти в другое кафе? Ладно, обойдемся соком. А Евгению при случае надо высказать: подумаешь, дело большое – мальчик покопался в твоих вещах. Ну интересно человеку стало. Всем известно: в чемоданах постояльцев во всех отелях роются. Накричать, безусловно, нужно, и даже в ухо можно было дать – но зачем же начальству жаловаться? Измельчали мужики, право слово...

* * *

А на следующий день – с момента гибели Матильды едва ли прошло двое суток – в Индию неожиданно пожаловала ее душеприказчица и наследница.

То была совсем юная – Римме даже показалось, что *подчеркнуто юная*, – особа. Нежный персиковый румянец, совсем детское платьице, сланцы с бисером, наивный взгляд ярко-голубых глаз... Индийцы из их кафешки, едва завидев вновь прибывшую, просто остолбенели.

А романтичный Джонсон немедленно стал выделять ее среди прочих туристок и даже дал ей прозвище Белоснежка.

Мадемуазель (на самом деле ее звали прозаически Людой) не скрывала своего восторга от Индии, куда она приехала впервые, и постоянно повторяла, что все кругом: пальмы, ослепительное небо, cheese and garlic naan¹², романтические коттеджики, прилепившиеся на скале, – это просто супер, исключительно cool.

Скорбной девица не выглядела. Немедленно по прибытии она направилась на пляж и вернулась оттуда полностью преображенная. В индийском наряде – широченные штаны в стиле Али-Бабы, кофтенка с национальным орнаментом, пальцы рук и ног унизаны дешевенькими блестящими колечками, а предплечье обвивала огромная кобра – татуировка из хны.

Уж на что Римме не нравилась безвременно почившая Матильда, но «белоснежка» Люда той и в подметки не годилась. Понятно, конечно: любой обрадуется, если на него вдруг, неожиданно и нежданно, свалится сказочное богатство. Но ты хотя бы видимость создай, что тебе грустно, а не рассказывай всем и каждому, что Матильда человеком была сложным, депотичным, чрезвычайно властным, с постоянными причудами...

Правда, Люда умершей приходилась не дочкой и не сестрой – всего лишь двоюродной племянницей. Причем виделись они за всю жизнь от силы раз пять, во время редких семейных праздников.

– Когда мне нотариус позвонил, я прямо упала, просто в осадок выпала! – рассказывала девчонка любому, кто готов был слушать. – Я-то думала, что у тети какой-никакой мужик есть, или, может, сиротке из детского дома она покровительствует, или вообще все на благотворительность отдаст, чисто из вредности, но завещание оказалось полностью на меня! Вообще обалдеть, полный cool!

– А зачем ты сюда, в Индию, примчалась? Да еще так быстро? – словно бы между делом спросила Римма. – Ждала б своих денег дома, в России...

Девчонка в ответ вздохнула:

– Так у тетушки в завещании написано: деньги мне отойдут, если я на себя организацию похорон возьму. Сделаю все, как тетя хотела. Чтобы, например, струнный оркестр обязательно играл. И еще много она понаписала...

Да уж, считала Римма, «белоснежке» повезло сказочно.

А вот вокруг Валентина сгустилось еще больше ее подозрений.

Римма, хоть и на отдыхе, а никак не могла выкинуть из головы *рабочие* мысли. Она, конечно, не следователь, всего лишь секретарша в детективном агентстве, но тут любой задумается. Действительно ли своей смертью умерла Матильда? И не способствовал ли тому всеобщий любимец, недостижимый инструктор Валентин? Ведь запросто может быть: он Матильду обхаживал вовсе не для того, чтобы устроиться на работу в ее клуб, а куда более смелые планы строил – обаять, обольстить, покорить, а потом инсценировать естественную смерть и прикарманить ее денежки... Правда, Люда говорит, что завещание, оказывается, было давно составлено – пару лет назад. Но ведь Валентин мог об этом не знать! Может, надеялся (или Матильда его в заблуждение ввела), что он единственный наследник. Хотя глупо, конечно. Сначала убедись, что все достается тебе – и только потом убивай...

И почему инструктор столь тщательно скрывал свою связь? Римма уже со всеми участницами семинара успела переболтать, и каждой словно бы между делом задавала вопрос: а не было ли у Матильды романа с Валентином? И все ей дружно отвечали: обольстить обаятельного инструктора еще не удавалось никому. И уж тем более не светило Матильде, далеко не юной и не самой симпатичной дамочке, пусть и с большими деньгами. А спрашивать о столь интимных материях самого инструктора Римма не решилась. Будь она следователем или хотя

¹² Лепешка с чесночно-сырной начинкой.

бы *детективом*, как ее начальник Пашка, еще можно было бы попробовать, а так... Да Валентин просто посмеется над ней. Или вообще с семинара выгонит – за хамские вопросы.

И потому самочинное расследование девушки само собой заглохло. Да и что ей Матильда? Пусть наглаженный Джай причины ее смерти выясняет. А она будет делать то, зачем приехала на Гоа, – плавать в океане, валяться на песке, заниматься карате и флиртовать с мужчинами.

И пусть с Валентином (действительно, он какой-то недосягаемый, к тому же явный геронтофил) ее роман увял, так и не разгоревшись. Зато второй из имевшихся в спортивном городке мужчин, Евгений Мединов, оказывал Римме самые неприкрытые знаки внимания. Всегда угощал в баре, бежал к ее шезлонгу, если видел на пляже, и даже во время спаррингов – а их двоих, как самых подготовленных, инструктор всегда ставил вместе – постоянно норовил перевести захват в самое настоящее объятие...

Римма, однако, старалась держать Мединова на дистанции. Слишком он какой-то блестящий, одни шлепанцы с «дольче-габбаной» чего стоят. И хвастается все время: образованием, работой, путешествиями, машиной и даже котом – у него какой-то суперэлитный британец, видите ли, имеется, победитель множества выставок. Но ей никогда не нравились мужчины, в одиночку воспитывающие котов. Да и история с малышом Винсентом тоже очков Мединову не прибавила... Поэтому Римма не отвечала на ухаживания Евгения, а вечера стала проводить с компанией веселых студентов-аргентинцев, с которыми познакомилась на пляже.

Те приехали на Гоа безо всяких спортивных целей. Никакого карате и даже классов йоги, которые старается посетить любой прибывший в Индию, – просто много моря и дешевого рома, а еще катание на каяках, гонки на мотобайках и, почти каждый вечер, модные здесь транс-вечеринки, изрядно сдобренные «травкой».

Наркотики, транс и ром Римма не любила, а вот проехаться на мотобайке согласилась. Тут, в Индии, мопед – основное средство передвижения. Не для подростков, как в Европе, а для целых семей. Много раз девушка видела, как на мотике вчетвером едут: управляет папаша, прямо перед ним, у руля, – младенец, за спиной главы семейства – еще одно дите, постарше, а позади всех с трудом притулилась мать семейства. О шлемах, конечно, и речи нет, движение сумасшедшее, но все довольны.

На Гоа правил дорожное движение, заметила Римма, вроде как не существовало. И светофоры почти не встречались. Первым перекресток проезжал тот, кто больше, – автобус или грузовик. Далее наступал черед машин, потом – мотоциклов и мопедов. А последними (даже если они на главной дороге) всегда оставались бедняги-велосипедисты. И все здесь постоянно сигналили. Когда обгоняли, когда тормозили и просто так, от хорошего настроения...

Из их спортивной группы на мопеде один бесстрашный Валентин рисковал передвигаться. Остальные же, когда нужно было куда-то ехать, вызывали «тук-тук» – маленький смешной автомобильчик без дверей. Или крутили, по нещадной жаре, педали велосипеда. Отдыхающие, сидя вечерами в баре, постоянно делились услышанными на пляже страшными историями: кто из европейцев с мотобайка упал, сломал руку, а то и вовсе закончил свою жизнь под колесами фуры...

И когда бестолковая Люда, наследница Матильды, вдруг возжелала арендовать мотобайк («Ой, я, правда, никогда не пробовала, даже в Питере, но все ведь тут ездят! Cool, наверно!»), Джонсон, занимавшийся в том числе прокатом, отказал ей категорически. Сказал, как отрезал: – Для езды на мотике надо родиться индийцем, а не хрупкой европейской девушкой.

Люда обиженно надула губки, но спорить не стала. А Римма, присутствовавшая при их разговоре, решила: сама-то она просто обязана освоить мопед. Хотя бы для того, чтоб утереть противной «белоснежке» нос.

И вот день настал.

Римма вместе со своими новыми друзьями-аргентинцами явилась в прокат – не к женоненавистнику Джонсону, а в другой. И за скромную сумму в пять долларов стала – на целый день! – обладательницей новенького мопеда. Вместе с ключами ей вручили пластиковый полулитровый стакан – для бензина. Кстати, забавная подробность: горючее на Гоа продают в обычных продуктовых ларьках, и если ты приходишь со своей тарой, предоставляют на него скидку.

Приятель-аргентинцы, правда, предлагали ей поехать с кем-то из них – пассажиром. В целях, как они сказали, безопасности и экономии. Однако экономия в пять долларов погоды не делала, а опыта у аргентинцев было не больше, чем у нее. Поэтому Римма решила: лучше самой убится, чем стать жертвой неумелого водителя...

Наконец расселись и неуверенным караваном тронулись в путь. Ехать оказалось даже страшней, чем думалось: дороги узкие, а уж европейца за рулем мопеда считает своим долгом обогнать каждый уважающий себя индеец. Аргентинцы – даром что мужики – трусили отчаянно и тащились как черепахи. На каждом перекрестке их колонна задерживалась чуть не на десять минут, опасливо пропуская всех попутных и встречных...

Римма, к собственному удивлению, освоилась за рулем мотика раньше других и даже успевала озираясь по сторонам. Сколько всего интересного можно увидеть, когда в твоём распоряжении личный транспорт! К вершине горы притулился маленький, но явно очень древний храм... Вот на дорогу выдвигаются священные в Индии коровы – несмотря на всю святость, страшно худые и почему-то с горбами, как у верблюдов... А вон тощий, весь просто светится, мальчик ловко забирается к самой верхушке пальмы и сбивает с нее кокосовые орехи... А еще девушка поглядывала на индийских женщин – Римме очень нравилось, с каким достоинством те носят свои сари. И на индийских мужчин, разумеется, тоже поглядывала – вдруг встретится достойный экземпляр? А то дамы из их группы болтают, что они очень сексуальные, Римме же пока не представилось возможности сию точку зрения принять или опровергнуть со знанием дела...

Когда приблизились к повороту на Черепаховый пляж – конечную точку их путешествия, – внимание Риммы привлекло кое-что еще. Их колонну вдруг обогнал мопед, управляла которым европейка. Стройная и явно молодая, красивая. Ее хрупкая фигурка, а особенно светлые волосы, забранные в конский хвост, очень напомнили Римме кого-то... Она машинально прибавила газу, мопед взревел. А блондинка, наоборот, начала притормаживать перед поворотом налево. Римма поравнялась с ней – и опешила: мотиком правила «белоснежка» Люда. Ее худенькие руки уверенно лежали на руле, по лицу блуждала счастливая улыбка... И вот она уже на совершенно безумной для мопеда скорости километров пятьдесят в час вошла в поворот и унеслась вдаль. И это девушка, которая, по ее собственным словам, никогда прежде не садилась за руль?

– Римма! Нам направо! – крикнул ей один из аргентинцев.

Но молодая сыщица сделала вид, что не расслышала. Решение пришло мгновенно. Она быстро – и почти профессионально – перестроилась из правого ряда, поворачивая вслед за коварной «белоснежкой». Девушка даже не подумала, как положено по неписаным индийским правилам, пропустить грузовик – тот просто опешил от подобного хамства, обиженно загудел...

Хрупкая фигурка «белоснежки» уже маячила далеко впереди. Неслась девица действительно словно безумная, но выходило у нее ловко: никого не подрезала, не виляла. Римма же, пока догоняла ее, пару раз мысленно простилась с жизнью и раза три нарвалась на интернациональный жест – поднятый кверху средний палец (а доброжелательные индийцы демонстрируют его лишь в самых крайних случаях). Но все же не упустила обманщицу Людмилу.

Девушки, одна за другой, благополучно миновали несколько опасных перекрестков и теперь двигались по второстепенной дороге, хитро петляющей меж утопающих в зелени небольших вилл. Море, по ощущению, скрывалось где-то рядом. «Белоснежка», похоже, тоже

направлялась на один из пляжей – не на Черепаший, на другой. И дорогу она, совершенно очевидно, знала. Более того – все больше убеждалась Римма – сидела за рулем мопеда далеко не в первый раз, да и по Индии явно прежде передвигалась. По крайней мере, правые повороты, самые сложные для человека, привыкшего к европейской организации движения, Люда выполняла более чем уверенно.

Римме, водителю гораздо менее опытному, много раз хотелось сдаться, отпустить «белоснежку». Пусть себе катит куда хочет! Не хватало ей только разбиться. Ничего не скажешь, достойное будет завершение ее индийского приключения... Но тогда она так и не узнает, куда намылилась противная Людмила. Не откроет ее секрета. И та останется по всем статьям победительницей. Более богатой, более молодой, более красивой (вон официант Джонсон, прежде симпатизировавший ей, Римме, без зазрения совести теперь кадрится к «белоснежке»).

Но, к счастью, Люда наконец замедлила ход. Ее мопед ловко юркнул в узкий проулок меж двумя домиками. Римма повторила маневр. Еще несколько поворотов – и вот впереди открылся поразительной красоты совершенно пустынный пляж. На площадке перед ним Людмила резко затормозила. Римме, чтобы не попасться девчонке на глаза, пришлось свернуть влево, в еще один переулок. Есть риск потерять «белоснежку», но еще хуже – попасться той на глаза...

Проулок закончился тупиком. Римма заглушила мопед, прислонила его к стене и бросилась обратно, к морю. Бежала по пыльной грунтовке и думала: а что, собственно, дальше? Ведь народу на пляже никого, Людмила ее все равно увидит. И как, интересно, объяснить их, вроде случайную, встречу здесь?

Девушка добежала до площадки, где «белоснежка» бросила свой мопед, чуть приостановилась, чтобы перевести дыхание. Фигурка Людмилы уже маячила почти у самой воды. Вот будет хохма, если та просто отправилась на дикий пляж искупаться! Конечно, странно, что врала, будто на мопедах никогда прежде не ездила, но это ведь – не преступление...

Римма присела на пустынной площадке за Людиным мопедом – больше укрыться было негде. Чувствовала она себя, признаться, полной дурой. А «белоснежка» тем временем скинула с себя одежды и ринулась в океан. Действительно – просто купается девушка! Какая наглость! А Римма, между прочим, и дорогу, увлекшись погоней, совсем не запомнила, и непонятно теперь, как с этого отдаленного пляжа выбираться... Не «белоснежку» же о помощи просить!

Римма совсем уж было решила с позором возвращаться назад, когда вдруг увидела – к месту Людиного купания, опираясь на клюку, приближается согбенная фигура в черном. Нищенка! Нигде от них в Индии не скроешься, даже на совершенно безлюдном побережье... Будет сейчас «белоснежке» очередная слезливая история про сгоревший дом, голодных детей и прочее. Римма даже уходить передумала – захотелось посмотреть, как Людмила от назойливой приставки станет отбиваться.

Однако разговор у нищенки с «белоснежкой» вышел совсем коротким. Людмила, выбравшись из воды, широко улыбнулась женщине в черном. А потом присела к брошенной на песок пляжной сумке и извлекла из нее... пачку долларов. Римма, не поверив, аж глазами захлопала, но видно было отчетливо: стопка зеленых купюр изрядная, тысяч на десять, не меньше. А нищенка, кажется, не удивлена и особо не обрадована – просто с достоинством приняла деньги. И вдруг «белоснежка» склонилась и поцеловала женщине руку, а та снисходительно потрепала ее по плечу.

На том их встреча закончилась. Людмила снова кинулась счастливым щенком в океан, а калека с клюкой, с неожиданной для своей немощи прытью, двинулась прочь с пляжа – прямо по направлению к площадке для мопедов.

Римме стало страшно. Вдруг показалось, что нищенка знает о ее присутствии, целенаправленно идет к ней, и бог весть как поступит с нежелательным свидетелем... Девушка поста-

ралась слиться с мопедом, вжалась в него, горячо умоляя Всевышнего, чтобы страшная черная фигура проследовала мимо.

И ее молитвы были услышаны. Нищенка ее не заметила, пошагала по пыльной улице мимо.

Зато Римма ее узнала.

То была та самая женщина, что бродила несколько дней назад по территории их спортивного городка. И после чьего визита бесследно исчезли вороны.

* * *

Римма, разумеется, заплутала на обратном пути и добралась в свой городок лишь к вечеру. Дико усталая, голодная и пропыленная. Однако настрой был самым решительным. Даже переодеться девушка не пошла. И на душ решила время не тратить. Вернула мопед в прокат – и немедленно отправилась в бар.

– Вам принести меню? – сдержанно улыбнулся Джонсон.

А ведь до того, как в их лагерь явилась противная «белоснежка», официант всегда помнил, что ужин она начинает с ананасового сока...

– Нет, Джонсон, – покачала головой Римма, – мне нужно срочно связаться с Джаем.

– Со следователем? – опешил официант. – Но ведь сейчас восемь вечера, рабочий день давно закончен, и...

– Позвони ему домой и скажи, что у меня для него очень важная информация. По поводу смерти Матильды. Я буду ждать его у себя в коттедже.

И Римма, забыв про ужин, двинулась прочь. Все равно никакой кусок в горло не полезет, пока она не избавится от своей внезапно обретенной информации...

Джай, на удивление, явился очень быстро – получаса не прошло. По традиции весь наглаженный, в ослепительно чистой рубашке («Наверное, это уже *завтрашняя*», – мелькнуло у Риммы). Устало опустил в кресло на террасе. Привычно отвел глаза от ее обнаженных коленок. Безупречно вежливо произнес:

– Слушаю вас, мэм. Что вы хотели мне сообщить?

– Я хотела задать вам вопрос, – улыбнулась девушка. – Вы по-прежнему уверены, что смерть Матильды была ненасильственной?

Глаза индийца – черные угольки в темноте тропической ночи – гневно сверкнули:

– Вы вызвали меня лишь потому, что вам стало любопытно?

А она небрежным жестом поправила упавшую (точнее, специально сброшенную) бретельку топа и – очень спокойно, очень последовательно – рассказала ему о своих сегодняшних приключениях. И закончила так:

– Я абсолютно уверена: это была та самая нищенка, что приходила в наш спортивный городок. И точно помню: в последний раз она появлялась здесь как раз в день смерти Матильды. А сегодня я своими глазами видела, как *наследница погибшей* вручила ей крупную сумму денег. Интересно, за что?

Римма победно уставилась на собеседника.

Его смуглое лицо почти сливалось с чернотой ночи и выглядело абсолютно бесстрастным. А потом Джай молча встал и велел Римме:

– Пройдемте в дом.

Девушка послушно поднялась. Распахнула перед гостем дверь. Включила свет.

Джай без лишней церемоний присел на ее незастеленную кровать и произнес:

– Идите сюда.

Прямо скажем, прозвучало несколько двусмысленно – с учетом ночи, пустого коттеджа и ее голых коленок.

Однако следователь всего лишь извлек из своего портфельчика фотографию. Протянул Римме. Спросил:

– Это она?

Римма взяла карточку и едва не выпустила ее из рук: на нее смотрело лицо той самой нищенки. Все в морщинах, правый глаз затянут бельмом, губы оскалены в зловещей улыбке.

– Она? – повторил Джай.

– Д-да... – пробормотала Римма.

– В таком случае вынужден констатировать: вы испортили мне вечер.

Джай убрал фотографию обратно в свой портфель. Надменно взглянул на потрясенную Римму и снизошел до объяснений:

– Женщину зовут Белинда. Она называет себя колдуньей и, возможно, ею и является. По крайней мере я ее талантов никогда не оспаривал. Сами понимаете, Римма, – следователь скупно улыбнулся, – с представителями оккультных профессий куда полезнее дружить, чем враждовать. Тем более что Белинда частенько предоставляет мне исключительно ценную информацию.

Он вновь перевел взгляд с лица Риммы на ее декольте, и девушке впервые захотелось не дразнить индийца, а купить наконец шестиметровое сари и замотаться в него с головой.

Джай, все еще снисходительно улыбаясь, продолжал:

– Возможно, сейчас я разглашу вам часть следственной тайны, но это, на мой взгляд, единственный способ умерить ваш пыл. Дело в том, что Белинда еще месяц назад сообщила мне: к ней обратилась русская девушка, некая Людмила. Та сказала, что премного наслышана о ее, Белинды, способностях – уничтожать людей силами колдовства или ядов. Или того и другого вместе. И очень просит избавить ее от некоей своей родственницы, которая как раз планирует в ближайшем будущем отправиться в Индию... Речь, как вы понимаете, идет о наших с вами общих знакомых. О той самой Людмиле и о ее тетушке по имени Матильда.

– Но, значит, девчонка была заказчиком убийства! – вскричала Римма.

– А его исполнителем – колдунья, – подхватил индиец. И пренебрежительно добавил: – Неужели сами не понимаете, насколько смешно звучит?

– Но если Белинда действительно убила? Не колдовством, а материалистическим методом? Отравила, например?

– Заверяю вас, – Джай поднялся, – на деле возможности Белинды исчерпываются уничтожением назойливых ворон. И к смерти Матильды она не имеет никакого отношения. Тем более, – следователь наградил Римму еще одним уничижительным взглядом, – что сегодня состоялось вскрытие. Госпожа Матильда действительно погибла от сердечного приступа. Заключение о смерти подписано компетентным патологоанатомом. Так что прошу вас, Римма: больше меня не беспокойте. Особенно по вечерам.

И индиец с достоинством удалился – на прощание скользнув еще одним взглядом по так ему полюбившимся Римминым коленкам.

А девушка рухнула на кровать и наконец расплакалась. Сказались и гонка на мопедах, и нервное напряжение, и воспоминание о страшном лице нищенки, до сих пор стоящем перед глазами... И еще на душе накопилась дикая злость. На всяких удачливых – и насквозь лживых – «белоснежек». На ненадежных, трусливых и притом наглых мужчин. Ведь студенты-аргентинцы даже не потрудились узнать, удалось ли ей благополучно добраться домой. А самый, конечно, гад – похотливый следователь Джай, который строит из себя святого и правильного, но тем не менее постоянно косит на нее вождедеющим взглядом и, главное, уже второй раз выставил ее полной идиоткой. Или он прав – Матильда погибла своей смертью, а Римма только зря гонит волну?

* * *

Назавтра, после утренней тренировки, Валентин попросил своих учеников немного задержаться. И, ни на кого не глядя (Римме же казалось, что инструктор более всего избегает именно ее взгляда), объявил, что расследование по поводу обстоятельств смерти Матильды завершено. Причина ее гибели – обширный инфаркт. Наследники смогут забрать тело через несколько дней, по окончании всех формальностей.

– Мы все, и особенно я как организатор нашего семинара, глубоко скорбим по поводу случившегося. – Валентин наконец поднял глаза. – Официально заявляю, что впредь я буду еще более тщательно проводить отбор в свои группы. Теперь, помимо справки от терапевта, которую вы все предоставляете, участников семинара перед началом занятий будет обязательно осматривать врач.

Тренер обвел взглядом всех присутствующих. Задержал свой проникновенный взор на Римме... и у девушки вдруг вырвалось:

– Ну, хорошо. Пусть причина смерти – инфаркт. А не удалось ли следствию выяснить, что стало *причиной инфаркта*? Что его спровоцировало – у вполне здоровой женщины?

Она внимательно смотрела на инструктора и совершенно определенно увидела, как что-то дрогнуло, метнулось в его глазах...

– Знаете, Римма, – сухо заговорил Валентин после минутного молчания, – я думаю, что тому, кто сможет достоверно определить причины, гарантированно приводящие к инфаркту, наверняка дадут Нобелевскую премию. Спасибо. Все свободны...

И спортсмены – молчаливые, подавленные – потянулись прочь с тренировочной площадки. А когда Римма уже подходила к своему домику, ее нагнал Евгений Мединов. Девушка не ответила на его традиционную широчайшую улыбку, хмуро обронила:

– Ты чего-то хотел?

– Только спросить: ты на пляж собираешься?

– Собираюсь, – кивнула она. Окинула взглядом его всего – идеального, подтянутого, ухоженного и какого-то ненастоящего. И отрезала: – Но не с тобой.

– Жаль, – вздохнул Мединов. И вкрадчиво добавил: – А у меня к тебе дело есть...

– Какие у нас с тобой могут быть дела?

– Ну, ты ведь, кажется, взяла на себя роль частного сыщика... Желаеть знать, кто на самом деле убил Матильду?

– Тебе же сказали: у нее был обширный инфаркт, – бросила девушка.

– Да, Валентин так сказал, – твердо взглянул на нее Мединов. Понизил голос и вдруг спросил: – А ты знаешь, что Матильда с ним спала?

– Вот как? – насторожилась Римма. – А чего же ты раньше молчал?

– Не хотел ворошить грязное белье. И еще надеялся, что Джай, ну тот следователь, сам разберется. Но теперь вижу: он предпочел поступить как проще. И как выгоднее ему и... другим.

– Кому – другим?

Мединов не ответил. Задумчиво проговорил:

– Слышала ли ты когда-нибудь, Римма, про смертельные мармы?

– Смертельные – что? – опешила девушка.

– Про смертельные точки на теле человека. Прикосновение к ним – легкий удар, нажим или просто щипок – может привести к фатальным повреждениям, параличу – и даже мгновенной смерти. Как пишет великий индеец Сушрута, подобных точек у хомо сапиенс – сто восемь. И девятнадцать из них – чрезвычайно опасны. Например, талахридаия. Она находится на подошве, по линии среднего пальца. Если достаточно сильно надавить на нее, человек может

умереть в течение нескольких часов. И главное, ни один патологоанатом не вычислит, что стало истинной причиной смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.